А. Черняев
Проект.
Советская политика 1972-1991 гг.- взгляд изнутри

1974 год.

1974 год.

3 января 74 г.

Приходил ко мне Трухановский (редактор «Вопросов истории»). Говорили об истории с Хавинсоном (главный редактор журнала «Мировая экономика и международные отношения»), о Кузьмине, его заместителе, которому было поручено вести тему антисионизма и тот ее проводит во вполне антисемитском духе. Некий Большаков из «Правды» (зам. главного) подвизается на разоблачении сионизма. Сунулся он со статейкой с Хавинсону. Там не приняли. Тогда он принес ее в «Вопросы истории» и здесь прошло, - вопреки мнению редколлегии и позиции Трухановского, зафиксированной в протоколе заседания, Кузьмин, воспользовавшись отсутствием Трухановского, включил в статью критику журнала Хавинсона (ИМЭМО) «за ошибки в борьбе с сионизмом».

Я, говорит Трухановский, думал, что дело в простой недисциплинированности или редакторском огрехе. И уж никак не подозревал, что Кузьмин и Большаков закадычные друзья на весьма «идейной» почве. Но новогодняя поздравительная открытка Большакова к Кузьмину, вскрытая секретаршей, как и все прочие открытки такого рода, приходящие в журнал, всё объяснило. В ней было написано: «Дорогой (идет имя Кузьмина)! Желаю тебе новых побед. Против нашей Руси (а Кузьмин занимается древностями российскими) вся эта сволочь жидковата».

Так-то вот!

Трухановский мне предложил: рассказать все Пономареву и попросить его посоветовать Федосееву подыскать для Кузьмина какую-нибудь «повышенную» должность, в институт перевести или что-нибудь в этом роде.

5 января 74 г.

Юрка Карякин (друг, вместе работали в Праге, в журнале «Проблемы мира и социализма») со свойственной ему интеллектуальной честностью продолжает (по инерции от моего задания) углубляться в Чили. Он уже имел три встречи с Тейтельбоймом (один из руководителей компартии Чили). Выяснил следующее: Киссинджер через 10 дней после победы Альенде заявил в комитете по национальной безопасности США: главная опасность от Чили – в Западной Европе. Если будет доказана возможность мирного пути к социализму, наше (т.е. США) дело в перспективе проиграно! Поэтому задача – сорвать чилийский эксперимент. Этим мы покажем, что мирный путь исключен, а вооруженной революции западный обыватель (в том числе и так называемый рабочий класс) сам никогда не захочет! И дело – в шляпе.

В США тогда же был создан оперативный центр по ликвидации «чилийского дела».

Юрка сделал такие выводы и уже выдал их Тейтельбойму:

1. Всюду и везде доказывать правильность стратегии мирного пути. Срыв его – результат стечения случайностей, а не порочности в основе. Шуметь об этом возможно больше.

2. Не раскисать, не бить себя в грудь, не искать прорех в курсе КПЧ, а доказывать, что ее стратегическая линия была правильной. Не заниматься интеллигентским слюнтяйством в диалоге с союзниками по Народному единству (социалистами и особенно «миристами»): мол, хотя «ваша» общая концепция была неприемлемой, но во многом тактически вы были правы. Помнить, что это – безответственная публика и она будет болтать что угодно, забывая, что тот, кто хочет оставаться на почве реальной политики, не может себе позволить разверзать грудь и публично ковыряться в своих ранах. Помнить, что Маркс и Ленин после поражений, даже если оставались в крайнем меньшинстве, всегда

яростно доказывали правильность пути, который именно и только они указывали и в канун событий, и в ходе их, и после провала! В этой революционной убежденности – секрет политического успеха. Пусть на публику это выглядит немного твердолобо, но иначе политику не сделаешь, она сама очень грубая штука. А для себя надо все очень тщательно - без всякой скидки, без всякой пощады собственному самолюбию – разобрать и учесть все неправильные ходы, все ошибки, все недосмотры, все сделанные глупости. И намотать на ус!

На Западе выпустили «Архипелаг Гулаг» Солженицына. Развертывается большой шум. На примере Солженицына реально чувствуешь, что такое классовая ненависть и что опять (как в 1919-21 и 1929-31 годах) может произойти, если дать ей возродиться в массе. Ведь он дошел до того, что объявил власовцев – действительно самое отвратительное и мерзкое явление войны, и не только войны – идейными героями, превозносит их службу нацизму, преклоняется перед их «подвигами» и проч. «Идею» лагерей он открыл уже у Маркса-Энгельса, а Ленин будто воплотил это в политике, Сталин, мол, лишь эпигон, который довел дело до совершенства. «Гулаг» представлен, как закономерность советского общества, как источник всех материальных достижений социализма за полвека.

Многие «там» по́шло клюнули на это. Боятся нас, боятся себя (нет альтернативы), боятся своих, особенно сейчас, когда в обстановке и энергетического, и экономического, и валютного кризиса мы предстаем, как организованное общество, т.е. такое, которое в современный век в принципе только и может справляться с проблемами, не преодолимыми в условиях даже «государственно-монополистической демократии».

И еще одна идея. На Чили пока не нашлось своего Маркса и Ленина…

Парижская Коммуна (всего три месяца) была первым поражением вооруженного пути пролетарской революции. Но какой колоссальный опыт и урок был извлечен марксистами (прежде всего Лениным) из этого поражения! Как основательно послужило это поражение делу революции в последующем!

Чили (34 месяца) было первым поражением мирного пути социалистической революции. И если извлечь из этого поражения такой же опыт и урок, какой сумели извлечь марксисты из Парижской Коммуны, - Чили встанет (в наш век) в ряд великих событий, наподобие Коммуны.

Мы недооцениваем еще значения этого опыта и этого поражения.

Маркс говорил (правда, в несколько другом смысле): революции побеждают, даже когда они терпят поражения.

И вот почему опасно ставить под сомнение стратегию мирного пути на основе опыта Чили. История с Парижской Коммуной вопиет против такого подхода.

<u>21 января 74 г.</u>

С 6-го по 11-ое была Прага. Пономарев, Рахманин, Толкунов и я. Плюс Лариса, которая была при мне в работе редкомиссии.

Кислая реакция Тейтельбойма на «учение Пономарева об уроках Чили».

Жан Канапа - член Политбюро французской КП. Его всплеск по поводу предложений о «Карловых Варах-2» и общего европейского совещания компартий. Инициатива – ПОРП.

Аксен (член Политбюро СЕПГ) – председатель редкомиссии. «Битва» в редкомиссии по резолюции и коммюнике. Две перекрестных (в общей сложности около 18 часов) стычки по периметру: румын-японец-итальянец-испанец-я-Аксен. Иногда болгары. Я выступал раз 20. В конце концов, мы (Канапа эффективно поддержал) добились «единого коммюнике» и это – «победа единства», - так уверял меня Канапа. Болгарин же жаловался своему главе делегации, что КПСС=Черняев «слишком много идет на компромисс».

Прием в Испанском зале, на Градчанах.

Прага. Улицы, витрины. Сытые чехи и великолепные чешки.

Анекдоты чехов про себя на обеде с Пономаревым.

В общем была первая репетиция к новому международному Совещанию.

Проблемы вокруг Брюссельской встречи компартий Западной Европы. Итальянцы, французы, особенно испанцы против упоминания в документе о том, что «в СССР строится материальная база коммунизма».

Возвращение из Праги. Вновь рутина: доклад Б.Н. по случаю 50-летия со дня смерти Ленина. Состоялся в Колонном зале 18-го, в пятницу. Со всех концов идут поздравления: в общем, по нормам нашей идеологической работы, может и в самом деле неплохо. Опять я измотался на этом.

25 января 74 г.

Закончили два доклада Пономареву: он едет в Нальчик вручать орден Дружбы народов Кабардино-Балкарии.

Загладин на съезде компартии в Австрии. Его телеграммы: полное возвращение партии в лоно КПСС. Исповедь председателя партии Мури (как колебался во время событий в Чехословакии, как «исправился»!).

Замирение Египет-Израиль на основе Киссинджера. Нас обдурили. И немудрено: нельзя строить политику в расчете на то, что Садат и проч. представляют «национально-освободительное» движение (вернее – на то, что он будет считаться с тем, что мы его рассматриваем, как представителя этого движения. На самом деле он лишь спекулирует на этом нашем «обязательстве»). Они представляют национализм, который очень легко, при обстоятельствах, может оборачиваться фашизмом. Впрочем, может и хорошо, что так вышло: будем постепенно привыкать к тому, что действуют в мире категории, которую уже нельзя мерить аршином сталинской внешней политики. А в этом районе мы пока действуем именно так: имперская стратегия под прикрытием идеологии.

Был разговор с Б.Н. Он сообщил об обмене мнениями на Политбюро. Начал Брежнев: нехорошо, мол, у нас получается – на руководящих постах почти уже совсем не осталось евреев. Один Дымшиц (зам. председателя Совмина СССР). Везде мы его в этом смысле демонстрируем. Надо изменить это. Зачем нам создавать впечатление, что у нас какие-то антисемитские соображения в этих вопросах… Другие поддержали. Б.Н. считает, что этот разговор был заранее подготовлен, в частности, не без участия Андропова.

Сам Б.Н. будто бы в ходе «обмена» сказал: правильно, мол. Конечно, был одно время (!) перегиб в другую сторону, когда Каганович пришел в МК и вообще в аппарат… Начал повсюду сажать евреев, а русских выдворять. Для этого была придумана углановщина, мол, чтобы обвинить людей в троцкизме. А на самом деле – люди из революции, настоящие рабочие-ленинцы…

Читаю в «Иностранной литературе» Андрэ Моруа «Из писем незнакомке». Концентрат французской манеры – от Паскаля через Анатоля Франса к Валери. Вкусно читать, да и поучительно.

29 января 74 г.

Вчера приехал в Успенку, чтобы отбыть те 10 дней отпуска, которые Пономарев отнял у меня в прошлом году.

Утром были великолепные лыжи: три с половиной часа с очень хорошей спортивной скоростью. И еще мог бы часа два носиться. Размышлял, походя о том, что лет 20 назад я не умел так ходить на лыжах, да и не выдержал бы такой нагрузки. Я себя

чувствую молодо, продутый весь свежим ветром или окропленный какой-то живительной водой.

Навез с собой книг и прочей «информации», только бы было время углубиться. Читаю, вот в который раз, ленинский «Ответ Киевскому» и «О карикатуре на марксизм». Когда вдумываешься глубоко в текст этих двух великолепных вещей, ленинские известные мысли предстают иначе, чем в идеологическом нашем обиходе. Потрясающая ленинская многоплановость. В его фразах и образах образуется такая полярность, как магнитное поле, которая рождает массу ассоциаций и размышлений, вызванных собственным политическим опытом.

Опять читаю Герцена. На этот раз «Русские немцы и немецкие русские». Поразительно много корней нашей современности находишь у Герцена. Свойство гения или свойство жизни, которая где-то в основе не меняется? Так же как у Андрэ Моруа: основные законы отношения «мужчина-женщина» не меняются.

8 февраля 74 г.

Вышел на работу. Прочитал телеграммы. Садат прогнал Хейкала, потому что он, оказывается, мешал ему крениться к американцам. Он был насеровцем, а Садату это уже мешает. Словом, наша «игра» в Египте» проиграна.

Соколов (консультант Отдела) приехал из США, с пагоушских встреч. Его «коллеги» по Пагоушу стали жестче: уверены, что мы их во всем обманываем (и в торговле, и в военном плане, и на Ближнем Востоке). Эти интеллигенты почти требуют послать авианосец к берегам нефтяных шейхов. Рядовому американскому обывателю – автомобилисту надоело с 6 часов утра вставать в очередь за бензином.

Волобуева сняли с директорства Института истории на президиуме АН, не дождавшись от него заявления об отставке. Я знаю, как все было. Сам он тоже дважды звонил: врет в главном. Ему давно надо было уходить, но он воспитан в «коридорах парткомов и партбюро». Он не знает ни гордости, ни презрения, он мелок и суетен. Теперь его прогнали за «ревизионизм» - и он пишет жалобу Суслову, ссылаясь на то, что он еще 15 лет назад боролся против ревизионизма «Вопросов истории». Впрочем, тогда его прогнали из ЦК за «догматизм», за то, что он не понял духа XX съезда. После чего он тоже жаловался в ЦК на Румянцева (тогда зав. отделом), который-де действовал не принципиально. Мне противна моя связь с Волобуевым, конечно, не потому, что он потерпел поражение. Он и не мог выиграть, потому что беспринципный и мелкий человек оказался борцом за правое дело – против Трапезникова и К^{o}.

Б.Н. сообщил, что предстоит готовить доклад к 104-ой годовщине В.И. Ленина!

Умер Мочульский. На мгновение возникло memento more, но не огорчился. Впрочем, это своего рода тоже «сын нашего времени».

Читаю Эйдельмана «Секретная политическая история России XVIII-XIX веков и вольная печать». Книга рассчитана на ассоциации. Но и по исполнению, и по материалу – великолепна. Между прочим, она – один из признаков превращения исподволь нашей «исторической науки» в самое себя, обратного движения к своему предназначению – рассказывать о прошлом, а не извлекать из каждого факта только то, что относится к «общим закономерностям» (чем она – советская историческая наука – занимается уже много десятилетий). Факты теряли самостоятельный смысл, они служили лишь символами социологии, ее чешуей.

10 февраля 74 г.

С утра занялся многотомником «Международное рабочее движение», введением к нему, которое будет принадлежать Б.Н.'у.

Играл в теннис. Сейчас листаю «Воспоминания о Герцене».

Днем сходил в Пушкинский музей. Там – день памяти А.С., 137 лет со дня смерти. Слово о Пушкине произнес Дезька (Самойлов). Маленький зал забит до невозможности. Потом директор музея, кстати двоюродный брат нашего консультанта Козлова, сказал, что вмещает он 200 человек, а в нем сейчас 300 и еще 150 в комнатах музея слушают через трансляторы. Публика – от интеллигентских бабушек до самых маленьких, есть известные персоны культмира. На 50 % - еврейская аудитория. Самая поверхностная причина этого – они больше любят всякие виды интеллигентской самодеятельности. А между тем, Дезькино слово могло бы войти в историю общественной мысли. Говорил он не более 10минут. Собственно, три сильно и просто оформленные мысли:

1. Облик современного цивилизованного человека нашей страны сложен по Пушкину. Мы этого не замечаем, потому что Пушкиным пропитана вся наша культурная традиция, в которой вырастает такой человек.
2. Пушкин нашел и дал нам меру соотношения между нашей страной и всем миром, определил место русского человека в интеллектуальной истории этого многонационального мира.
3. Пушкин ближе (должен быть ближе) к нам, чем те в XIX и частью в XX веке, кто унаследовал от него русскую литературу – духовную традицию. Он человек чести, а не совести. Вспомните Лермонтова: «… невольник чести». Про совесть писал Достоевский и др., Пушкин про это никогда не писал. Совесть – это, когда человек что-то сделал, вопреки своим правилам, потом раскаивается и часто считает, что тем искупает сделанное.

Невольник чести – не значит ее раб. Честь – это следование, добровольное следование (а не служение) благородным правилам. Современному человеку надо ориентироваться именно на это.

Директор Пушкинского музея очень деликатно сопровождал Дезьку к его месту на сцене, так, что те, кто не знают, что он почти ничего не видит, и не заметили бы. Он был в очках, перед тем, как говорить, снял их. Держался с самого начала очень спокойно и уверенно. Говорил искренне, ясно, ни малейшего намека на заученность, хотя в этой сложнейшей по мысли речи не было ни одного слова-паразита, ни одной словесной пробуксовки.

Потом, где-то на уровне квалифицированного клубного мероприятия, были арии, флейта, арфа, чтение писем и дневников тех, кто был возле умирающего Пушкина. (Запомнилась скверная актриса с длинным носом и большими, под есенинские времена, глазами. Пела ужасно… стыдно.). Потом, произведя скандальный шум, меня вытащил, зажатого среди стоящих в проходах, поводырь Дезьки, чтец его стихов и бывший актер с Таганки, некий Рафка … и уволок за кулисы. Мы с Дезькой расцеловались. С ходу он повторил мне (уже не раз рассказанные) больничные анекдоты собственного производства. Рассказал, как он делает книгу о рифме (на самом деле – краткая теория=история российской поэзии). Сказал, что ему дали квартиру в 50 кв. м. с кухней в 9 кв. м. в районе Коломенского. Звал к себе – «почитаю тебе свою прозу». Он огромно талантлив. Обещал к нему приехать в Опалиху в следующее воскресенье.

15 февраля 74 г.

События недели. Поехал было на панихиду Мочульского, но из морга его привезли с опозданием на 2 часа и я не дождался. Было это в старом клубе МГУ на улице Герцена. Убогость, малолюдство, в основном люди с кафедры. Повидал все тех же, которые уже 25

лет назад выглядели полными маразматиками. Сейчас в общем немного изменились. Застенкер бросился сразу меня упрекать и учить насчет социал-демократов. Другие – те, кто были еще аспирантами, когда я начинал преподавать: Адо, Языков. Тут же Маша Орлова, теперь профессор и доктор наук. От всех от них, и от разговоров, и от их вида, и от их скучного, будничного отношения к «событию» веет такой затхлостью, такой интеллигентской провинцией, такой давящей тоской, что, общаясь с ними, думал только об одном: «Боже! Какое счастье, что жизнь меня своевременно вытолкнула из этой среды!»

Мочульский, говорят, то и дело болел. Ходил весь скрюченный от радикулита, потом появился палеартрит. Машка откомментировала: «Ты ведь слышал, что жена от него ушла. А ему диета нужна была. Целыми днями он ничего не ел, потому что нормальной пищи ему нельзя, а специально готовить некому было. Принесет сын из буфета винегрет – вот и вся дневная еда». «Скрывал свою болезнь, - продолжил Дробышев, - даже, когда в больницу лег, просил меня не говорить об этом на кафедре. А потом его зажало, почки отказали. Десять дней он орал на все отделение – это ужас какой-то. Я там тоже лежал в это время».

Вот так-то. Серо прожил. Достиг профессора. Написал за всю ученую карьеру пару скучных статеек об Англии 30-ых годов и одну брошюру – по кандидатской диссертации. Сам никого не любил, был зол и вреден. И его никто не любил, большинство презирали, некоторые побаивались. Был он огромен и нелеп, несколько квадратного облика, одно время очень толст. И вот в 55 лет кончился. Ничего никому не оставил, даже следов в памяти.

В среду выдворили в ФРГ Солженицына. Операция была проведена ловко, корректно и элегантно. Подробности (согласие Брандта) мне пока неизвестны. И уже сейчас – прошло два дня – серьезные западные газеты признают неизбежность его скорого затухания. Еще одна «вспышка» крика и потом он быстро начнет им надоедать.

Сочинили план «выхода» на общеевропейскую конференцию компартий: телеграмма французам, потом соцстранам и ИКП, потом четверная инициатива (ИКП, ПОРП, ФКП, КПСС) публично – о созыве консультативной встречи в мае сего года.

Сочинили телеграмму всем КП, с которыми имеем связь, о нашей позиции в отношении общего (международного) Совещания. Но Б.Н. пока отложил, чтоб не «девальвировать» дело европейской конференции.

На Западе, и вообще в капиталистическом мире, дело явно идет к большому кризису, который будет очень отличаться от кризиса 1929 года по своим экономическим характеристикам, но скорее всего приведет к сдвигу вправо с неисчислимыми последствиями.

Сочинили речь Б.Н. для Колонного зала – сегодня он вручил орден Дружбы советским женщинам.

Начали подготовку его доклада по случаю 104 годовщины Ленина. Жилин предложил центром доклада сделать мысль - преобразование последних лет для победы коммунизма аналогичны (равнозначны) преобразованиям 20-30 годов для победы социализма…

<u>21 февраля 74 г.</u>

В воскресенье ездил к Дезьке в Опалиху. В нем никакого комплекса слабости и меланхолии (хотя видит он наугад). Он бодр, на юморе, от него исходит уверенность и активность.

Почему? По-видимому, по двум причинам. Наличие таланта, который, должно быть, всегда укрепляет уверенность в себе, дает жизнестойкость. Мол, я – мастер, я умею делать свое дело, а раз так – никогда не пропаду. И второе – очевидно, «среда». Среда доброго и бескорыстного товарищества на почве общности «общественного состояния» и

мировоззрения, и, конечно, личной привязанности друг к другу (в данном случае – еще и уважение, и любви к Дезьке, почитание его поэзии). Эта среда – вне системы. Она себя так мыслит, она оппозиционна системе, а некоторые ее представители, возможно, и враждебны ей. Помогали, например, Солженицыну, «Самиздату», поставляли материальчики «Хронике текущих событий». Об этом я могу, конечно, только догадываться.

Сплачивает эту общину скорее всего (помимо перечисленных эмоциональных обстоятельств) сознание враждебности к социально-политической ситуации в стране. Одно время одной части интеллигенции это отчуждение от власти и всей, так называемой общественной жизни выражалось в ностальгии по революционному нашему первородству, по революционной чистоте юности целых поколений. Отсюда огромная популярность (непонятная для молодежи и для массового зрителя) таких фильмов, как «В огне брода нет», «Бумбараш», «Белое солнце пустыни», в которых этот зритель видел не совковость, а естественный, бескорыстный интернационализм русского простого человека, интернационализм кристального идеализма светловской «Гренады».

…Но эта волна прошла. Устали и поняли, что это всего лишь бессильная ностальгия по невозвратимому прошлому.

И какая-то часть отпочковалась в полное отрицание всего нашего советского прошлого – в несколько солженицынском духе: «всё, мол, было с самого начала неправильно и не туда». Разумеется, в большинстве случаев – без его, Солженицына, классовой ненависти к советскому… Это скорее – отрешенное «над схваткой», полупрезрительное отрицание и возможностей, и желания современной власти вести общество на уровне, его достойном.

На это наслоилась еще «еврейская проблема». Конечно, такие, как Дезька, никогда никуда не уедут (хотя кто мог ожидать, что уедет Коржавин). Но антисемитизм, ставший неизбежно спутником «израильской проблемы» в целом, поразил в самое сердце этих людей и разрушил окончательно их интеллектуальную связь с «системой». По поводу каждого конкретного случая Дезька со своим умом и мудростью может, думаю, и поднимается выше обывательских реакций и оценок. Но, чтоб его это не задевало где-то в глубине души, - сомневаюсь!

А пока что Вадька Бабичков (школьный друг) поинтересовался, что с Даниэлем (тот, который вместе с Синявским был осужден в 1965 году и теперь вернулся из ГУЛАГа). Дезька объяснил: живет в Москве, «ехать» вслед за Синявским отказался (этот теперь профессор Сорбонны), послал к еб…. матери свою жену, которая, когда его посадили, отличилась фанатичной антисоветско-еврейской активностью и сама загремела, хотя теперь выпущена, женился на молодом прелестном существе. Печатается: главным образом, переводы. Под псевдонимом, конечно. Построил дом под Москвой. Сам? Нет, конечно. Помогли…

Вот это «помогли!» как бы засветило всю внутреннюю жизнь этой «общины», о которой шла речь, этой особенной среды, которая готова на большое самопожертвование, на необычную для современного уровня человеческих отношений отдачу ради друг друга.

За эту неделю… Евтушенко. Открытое письмо «к советскому народу» в миланской газете «Джорно». Отменили его концерт в Колонном зале (по случаю 20-летия творческой деятельности) после того, как он направил Брежневу телеграмму с протестом против ареста Солженицына. У меня это письмо вызвало отвращение. Не могу я признать за этим пижоном права говорить «от имени народа», «проявлять заботу о судьбе и престиже Родины». Из каждой строки прет мелкое тщеславие, претензия не по средствам, политическая инфантильность… И еще одно, что просто коробит: апелляция к западному общественному мнению против своей власти, которая-де не посмеет тронуть такую фигуру, если за спиной «такая сила». Не успел Солженицын завершить спекуляцию на этом, - объявился еще один.

Однако, тоскливо становится от всего этого. Если поглубже взглянуть, такое – от бесхозности нашей идеологии, от того, что под руководством Демичева (министр культуры) она утратила всякую определенность, не говоря уж о привлекательности.

Кстати, на днях я прочитал письмо, присланное Суворовым, секретарем партбюро Института философии АН СССР в адрес Кириленко. Тот распорядился, чтоб Суворов был принят Гришиным и Ягодкиным (т.е. первым секретарем МГК и секретарем Москвы по идеологии). Те приняли. И приложили к письму объяснение.

По Суворову, весь наш «философский фронт» поражен ревизионизмом, и не только философский. Он называет историков, экономистов, социологов, даже математиков, вообще естественников, на которых, мол, управы нет. И они что хотят, то и говорят, и даже пишут, а это все – сплошной «позитивизм» или того хуже. Перечисляет десятки имен, начиная от академика Кедрова, директора Института философии, и кончая авторами «отдельных статеек». Тут и Замошкин (зав. кафедрой Ленинской школы), и Фролов (редактор «Вопросов философии», бывший помощник Демичева), и Келле (бывший мой учитель философии) и проч. из МГУ. А кадры подлинных марксистов так оскудели, что если, мол, начать сейчас снимать ревизионистов с ключевых постов, которые они все позанимали, то и заменить-то некем. Несколько раз поминается сам Федосеев в роли центриста, который, мол, попустительствует и смотрит на всё сквозь пальцы.

Конкретно суть ревизионизма этих людей не формулируется. Есть только намеки: один, мол, считает, что наступит век биологии и философия в прежнем виде ей не указ; другие – что исторический материализм и диамат все больше сводятся к «философии человека», третьи вообще не считают нужным цитировать в своих книгах Маркса и Ленина. Вот, кажется, все претензии.

Внизу обозначена группа, человек 12, от имени которой и выступает Суворов, и просит ее целиком принять в ЦК. Возглавляет всё это академик Митин – подонок и доносчик 30-х годов, плагиатор и вор работ посаженных им людей. За ним идет Руткевич, Ковальчук, Одуев и еще несколько бездарностей, которых Кедров попер из института за неспособность.

Какой же ход дан делу?

Гришин и Ягодкин, вместо того, чтобы пристыдить этого прохвоста, беседовали с ним несколько часов и потом «доложили» в том смысле, что МГК с 1969 года принимал всякие меры, чтоб выправить положение на идеологическом фронте Москвы. Столько-то раз «заслушивали» в МК такие-то институты, приняли такие-то постановления, обследовали такие-то звенья, сняли пять директоров. Однако, когда вместо умершего киевлянина назначили нового директора Института философии, их (МГК) мнения не спросили, назначили Кедрова. Вот, мол, теперь вы сами (ЦК) и расхлебывайте. На этом докладная и заканчивается. В таком виде она, вместе с письмом Суворова, разослана Кириленко по Секретариату ЦК.

Анненский «Воспоминания о Герцене».Белинский. Письмо к Гоголю (перечитал другими глазами).

Начал читать Фолкнера - сэндвичевая проза, в которой тонешь.

<u>10 марта 74 г.</u>

Все больше разрывов в дневнике. Объясняется это частично работой до позднего вечера, а в свободное время надо и читать, и готовить к изданию многотомник о рабочем движении. Кстати, вчера на даче, в Успенке, закончил редактирование 90 страничного введения, которое в основном сделано Галкиным путем очень ловкой, творческой компиляции пономаревских докладов и статей. Большинство вложенных туда им самим (Б.Н.’ом) и нами мыслей использовано и удачно.

Из событий этих недель: лейбористы у власти. Правительство меньшинства. Забастовку шахтеров они уладили. Но что они смогут сделать?

Брежнев сегодня улетел в Пицунду для встречи с Помпиду. Игра с Францией продолжается (мы, например, поддерживаем ее экстравагантности в энергетическом вопросе: отказ участвовать в Вашингтонской инициативе по координации капиталистических стран в этом деле). Но «мелкость» этих наших ходов (поддерживать тех, кто сам обостряет «межимпериалистические» противоречия) у всех на виду. И реально мы ничего не добьемся, потому что (как правильно писал Раймон Арон), Франция устами Жобера и самого Помпиду будет шуметь о самостоятельности и проч., а втихоря будет поступать почти так же, как и другие (ФРГ, Англия), ибо деваться ей некуда. Так она ведет себя в НАТО, так будет и в энергетических делах.

Киссинджер (поездки в Египет и Сирию) на глазах у всего мира отбирает у нас плоды многолетней пономаревской ближневосточной политики. С Садатом они публично лобызаются и – лучшие друзья. Наша ставка «на прогрессивность режимов» - не дает дивидендов, потому что прогрессивность выдумали мы сами. А тягаться с американцами по части мошны – мы слабоваты.

Что-то не пишется… Дам только пунктиром основные вехи.

О'Риордан сломал ребра. Беседа с ним на Плотниковом.

Сообщение Тимофеева, что Трапезников будет сам читать наш многотомник о рабочем движении (в макетах). Говорить ли об этом Б.Н'у. Боюсь, что испугается и задержит издание. Встретил этого Трапезникова на дороге в Успенке: захотелось выйти из машины, сковырнуть этого гнома в канаву.

Волобуева «сняли» уже и на Секретариате ЦК. Б.Н. рассказал о ходе Кириленко, который предложил рассмотреть «со всей строгостью», руководствуясь запиской отдела науки: а в ней – и ревизионистские ошибки, и отход от ленинизма, и даже политическая фракционность. Между прочим, с запиской этой согласились и Суслов, которому Волобуев перед тем написал длинное письмо (что, мол, травят), и Демичев, и другие. Значит, это письмо либо вообще не читали, либо игнорировали. А Кириленко вообще, видно, впервые услыхал о Волобуеве и реакция была натуральной: раз человек такой ревизионист, чего с ним либеральничать (так он и сказал Пономареву). Не знаю уж, как себя вел Б.Н., но удалось решение свести к формуле: «как не справившегося с работой директора». Конечно, Волобуев в роли лидера советской исторической науки – это анекдот. И было анекдотом, когда назначали. Но история его снятия имеет самостоятельное и совсем «другое», причем очень поучительное значение.

Погонял на лыжах. Для этого вскакивал в 6 утра и затемно уходил на лыжню, встречал восходящее солнце, а мороз утром бывал больше 10 градусов. Лыжня хрустящая, летучая. Скорость спринтерская. Красотища – левитановский март. Возвращался часам к 11 на полном «излете».

Был в музее Маяковского – там, где он стрелялся, в бывшем Лубянском проезде. Содержательный музей. А какая эпоха! Какая духовно богатейшая наша революция и Советская республика! Нигде никогда ничего подобного не было и быть не могло. Великий народ. Кстати уходишь из музея и начинаешь понимать, о чем говорил Дезька, когда я был у него в Опалихе: «литературная общественность» все дальше отходит от Маяковского, а у некоторых он даже вызывает раздражение… Здесь, безусловно, присутствие антисоветского снобизма нынешней «литературной общественности». Но есть объективное: Маяковский, хоть и сверхгениально, но отразил уникальное время и неповторимых людей, которые временно очень сильно оторвались от, так называемой, извечной «природы человеческой», благодаря соприкосновению с которой Пушкин, например, - на века.

Прибегал Арбатов с проблемой увольнения сотрудницы из Института США за то, что она вышла замуж за итальянца, хотя и коммунистка. Вот такие проблемы у власти, за которой судьбы страны!

3 апреля 74 г.

Перерыв в дневнике объясняется тем, что с 15 марта по 2 апреля сидел на «даче» в Волынском-2. Писали доклад Б.Н.'у к 104 годовщине Ленина.

Любопытны идеи, которые он хочет зафиксировать в этом тексте:

- ленинизм распространяется по всему миру;
- отразить 50-летие после Ленина;
- ни одно учение не встречалось с такими препятствиями;
- «фундамент», оставленный Лениным – от науки построения социализма и опыта правящей уже партии до «базы» международного социализма;
- что сделано после Ленина «его учениками и последователями»: во 100 крат приумножили наследие (включая, подразумевается, самого Б.Н.);
- партия для XX века (нового типа) – как великое открытие Ленина, определившее весь последующий ход событий;
- Ленин создал науку о построении социализма, КПСС сейчас создает науку о построении коммунизма и на этой основе шаг за шагом строит коммунизм.

Последнее требует комментария: как выяснилось сегодня из разговора по ВЧ (Б.Н. уехал в Гагру, догуливать положенные кандидату в члены ЦК 2 недели) , - его забота о построении коммунизма и о теории на этот счет вызвана желанием косвенно напомнить о Программе партии. Он давно меня к этой мысли подталкивал, а я все не догадывался. Пояснил он так: «Вы помните, когда Программу приняли, был большой шум вокруг нее. А потом всякое бывало. Теперь вообще редко упоминают. Одно время даже предлагали ее пересмотреть и т.д.» Между тем, Б.Н. считает себя создателем «третьей Программы партии» и в какой-то степени обоснованно. Знает ее наизусть и там явно присутствуют любимые его игрушки, которые он пытается осторожно расставлять в своих статьях и докладах.

5 апреля 74 г.

Теперь при подготовке ленинского доклада он трижды выражал недовольство тем, как изображена теоретическая работа партии, а именно – решение ею вопросов и задач перехода к коммунизму. Я, повторяю, долго не понимал, в чем дело, тем более, что не мог в нем заподозрить веру в то, что теоретическая мысль у нас на уровне. Он сам о ней не раз отзывался непочтительно, но тогда речь шла о «теоретической мысли» у других!. Теперь же все стало ясно: о «его», Пономарева, Программе надо сказать.

Другая трудная проблема – «личный вклад» (Брежнева). Поначалу он был за сдержанность. Я ему говорил: во-первых, это может быть не так понято, во-вторых, Генеральный действительно поступал подчас смело. Если бы не он, мы никаких бы «сдвигов» не имели и проч.

- Так то оно так, - ответствовал он мне. – Если бы у нас не было такой истории, какую мы имеем, и разговаривать бы нечего. А тут ведь, знаете…

Между тем, поправки его к вариантам, которые один за другим мы посылали ему на Юг, свидетельствовали, что здравый смысл берет свое. Имя внедрялось в текст все чаще, а оценки становились все более «масштабными».

Красной нитью доклада он сделал «битву за мир», решение этой «всемирно-исторической задачи спасения человечества», которая по плечу родине Ленина. Он просит выражаться об этом пышно. Я всегда удивлялся его настойчивости в этом деле. Мне

казалась она несколько несовместимой с его «большевизмом», с его революционным менталитетом образца 1920 года. Только теперь я стал помаленьку прозревать. Старик мудр и информирован. Он знает, что в наш «революционный пример» уже никто не верит. Но держава наша по природе своей должна сохранять идеологический характер – в том числе и для внешнего мира, в том числе и для коммунистов. Поэтому она должна нести всечеловеческую миссию. Мир – это и есть ее миссия. А ее способность нести такую миссию произошла из великой революции. Впрочем, тут не только логика идеологического охмурения, здесь есть и реальная логика и проблема.

Никто ведь не предполагал в 1920, что капитализм продержится так долго, да еще и такую мощную способность к небывалому экономическому преобразованию. И в этих условиях проблема «мировой революции» перемещает акценты со второй части этого понятия на первую. Именно к этому «сдвигу» (акцентов) и старается Б.Н. приспособить ведущую революционную роль родины Ленина.

Втайне он, как старый большевик, ждет, между тем, вселенского кризиса капитализма, наподобие или даже хуже «1929-33». В каждом своем докладе или статье любой признак кризиса он старается пропагандистскими средствами раздуть до нелепости. Нам всегда приходится употреблять немало сил и хитростей, чтобы умерить эту его страсть, не допустить, чтобы он выглядел смешным и вздорным.

И на этот раз (тем более, принимая во внимание действительный кризис на Западе) он давит на нас с «небывалой силой» (употребляя его собственные любимые словечки).

Мучаемся мы сейчас с проблемой «Карловы Вары-2». С одной стороны, откладывая ее, мы упускаем все больше и больше лидерство в комдвижении Европы, более того – они (братские КП) просто уплывают из нашего ведения. А с другой стороны, мы не можем форсировать это, так как идет государственное совещание по безопасности и сотрудничеству в Европе. И если мы сейчас противопоставим ему коммунистическую конференцию, то оно, которое и так идет туго, завалится совсем. А это ведь «реаль-политик» в отличие от идеологии «Карловы Вары-2».

<u>13 апреля 74 г.</u>

Неделя проскочила стремительно - самый мучительный период подготовки ленинского доклада. Вернувшись из Гагры, Б.Н. трижды со мной разговаривал сугубо конфиденциально. В «этом деле» он практически не доверяет никому. Даже о Жилине спросил меня: «А как он в отношении «личного вклада»? Помнится были мы вместе в Берлине на конференции по случаю 125-летия «Коммунистического манифеста». Попросишь что-нибудь добавить, а он (Жилин) несет абзац-два с фамилией Генсека. Попробуй, вычеркни, когда уже столько глаз видели!» Я объяснил – мол, старается, чтоб «не возникало проблем», для Вас де старается.

И совсем другое - с Загладиным. Б.Н. просил меня показать ему текст. Забыл об этом своем поручении и сам дал ему (Загладину) свой экземпляр, но с исправленными предварительно страницами, где как раз – о «личном вкладе». Узнав о том, что у Загладина в руках оказалось два варианта и он может сличить, Б.Н. страшно разволновался и стал меня учить, как бы «изъять» у него оба, да поскорее. Но Загладин ничего не стал сличать (он выше этого), а написал две вставки по мотивам декабрьского Пленума, персонифицировав все до крайности. Ему даже и в голову не приходит, что эта проблема вызывает столько мучений и колебаний у Б.Н. Он представляет себе это «как оно есть», как естественный и всем понятный процесс.

Я не стал Б.Н.'у показывать эти вставки, а взял из них только мысли о задачах по преобразованию «всего народно-хозяйственного механизма».

Б.Н. волнует в этой связи также проблема – как быть «с двумя другими» (Подгорный, Косыгин, упоминать их или нет в докладе). Велел мне перечитать шифровки

Подгорного из Парижа, где он был на похоронах Помпиду и где он (по его рассказу на ПБ) едва успевал отбиваться от «просителей» - глав государств и правительств, которые непременно хотели продемонстрировать «контакт» с высоким представителем Советского Союза. Подгорный, со слов Б.Н., с изумлением обратил внимание на то, что на приеме (поминках) Никсон стоял, как в вакууме, трогая за плечо наследного принца Марокко – мальчика, который один только подошел и задержался возле президента США. Прочие же старались раскланиваться издалека, и Никсон явно нервничал, озираясь и ожидая, что, наконец, начнется вокруг него столпотворение. К Подгорному же буквально человек в двадцать выстроилась очередь, чтоб поздороваться и перекинуться мнениями.

Б.Н., рассказав мне это и поинтересовавшись впечатлением от шифровок, говорит: «Как же вот в этих обстоятельствах произносить в докладе только одно имя… А у вас, посмотрите, вот хотя бы на 21 странице… раз, два, три раза … неизвестно, о ком доклад, получается (т.е. о Ленине или о Брежневе). Подумайте, - говорит, - как бы тут отразить получше».

Я, естественно, придумал. Не знаю, как ему понравится. Эти два дня он был занят с Асадом: приехал на высший уровень президент Сирии – наша «последняя надежда» на Ближнем Востоке.

Кстати, прочитал я рассылку по ПБ речи Брежнева на предстоящем 18 апреля ПКК в Варшаве. Она хорошо сделана, чувствуется сильно рука Александрова, скорее напоминает дипломатический отчет (с оценками и акцентами, конечно), чем наметку новой Программы. Никаких новых крупных идей на будущее я не заметил. Но не в этом дело.

В этой речи я обратил внимание Б.Н.'а на то, как подается тема Ближнего Востока. Увлеченный изложением деталей, Александров, видно, не заметил (а впрочем, это его стиль), что мы по существу признаемся, хотя и друзьям (плюс румыны) в своем поражении, в том, что американцы нас обыграли, что мы фактически ничего уже не можем поделать с Египтом, где Садат в публичных выступлениях последних недель поливает нас грязью, беспардонно врет, искажает факты, отрицает, что кричал: «Караул. Спасите. Добейтесь прекращения огня», когда израильтяне прорвались на западный берег канала и проч.

Другое дело, что я, например, считаю, что нам давно надо менять политику в этом районе. Этого, кажется не собираются делать, но нельзя и так, как в речи: фактически расписывать, что она зашла в тупик, и ничего не предлагать взамен, кроме упований на то, что Асад будет честнее Садата и добьется нашего участия в Женевской конференции!

Я сказал об всем этом Пономареву. Он всполошился. На другой день сообщил мне, что разговаривал с Александровым и тот будто согласился «поубавить пессимистический тон». Сомневаюсь, чтоб Александров изменил что-нибудь, если ему не скажет сам Брежнев. Я не перестаю только удивляться другому: ведь Б.Н. сказал, что Брежнев лично послал ему текст и попросил высказаться. Так почему же надо разговаривать о таких вещах с помощником, а не с самим Леонидом Ильичем?

Мне рассказывали, как загонялы-активисты гонялись за студентами, выведенными демонстрировать сирийско-советскую дружбу (Асад уже уезжал из Москвы), а они прятались в подъездах и метро, потому что шел сильный мокрый снег. Ребята делали из ситуации игру, развлечение: Асад им до лампочки. Наш «истеблишмент» временами оборачивается идиотской гримасой. А механизм его функционирования уже таков, что с того конца, где запускают, не видно и не слышно, что выходит с другого конца. И даже неприлично и недопустимо, чтобы эти концы сходились.

12 мая 74 г.

С 23 апреля в Волынском-2. Избирательная речь Брежнева. Команда под руководством Цуканова («Цу-Ка», как его прозвал Аграновский и, кажется, сочинил об этом гимн). Аграновский – это самый выдающийся наш журналист, из «Известий».

«Беспартийный еврей», «Золотое перо» и проч. клички, изобретенные для него Бовиным. Человек огромного обаяния и разнообразных талантов: рисует (профиль Бовина, уставившегося в голую девицу, в которой угадывается машинистка Валя), сочиняет и поет под гитару, уморительный рассказчик и анекдотист. Спокойный и естественный, без тени подобострастия и комплекса, казалось бы понятных в здешнем его положении.

Другие: Иноземцев, Арбатов, ныне тоже кандидаты в депутаты Верховного Совета. Один от Грузии (но хоть в Совет Союза), другой – Арбатов – от Азербайджана в Совет Национальностей. Вся наша избирательная система этим, как на ладони.

Еще Шахназаров и помянутый Бовин, который держится так, как если бы ничего с ним никогда не происходило.

Я на положении ишиботника. Остальные все не только между собой, но и с Цукановым на «ты»и только по имени. Мои возможности у всех присутствующих под сомнением. Хотя зачем тогда Цуканов выпрашивал меня у Пономарева? И откровенно ему льстил доверительностью: мол, у Александрова своя команда, у нас, мол, своя, и не хуже можем делать тексты. Поскольку я «подсобник» дела идут так: мой текст, прочитанный вслух на «общем сборе» Бовиным (после его мелкой косметической правки) признается почти готовым и «хорошим». Тот же текст с учтенными по ходу первого чтения незначительными замечаниями, но к которому Бовин не успел прикоснуться, и прочитанный вслух Иноземцевым, признается никуда не годным. И поручается Бовину его переделать!

Меня это, однако, угнетает. После такого оборота дела, - безумно хочется отсюда бежать.

Впрочем, корзиночность любого варианта международного раздела текста совершенно очевидна после следующего эпизода: 8-го числа утром звонок по вертушке, подошел я.

- Это Александров. А кто со мной говорит?

- Черняев. Здравствуйте, Андрей Михайлович!

- Здравствуйте, Анатолий Сергеевич (кислость в голосе). Позовите, пожалуйста, Георгия Эммануиловича.

(Дальнейший разговор передаю со слов Цуканова, который нам потом рассказал, что произошло).

- Георгий! Вы всю речь пишете?
- Да.
- И международный раздел?
- Да.
- А почему ты мне ничего не говоришь. Ты поступаешь нелояльно. Как можно? Ты же знаешь, что это я должен готовить. Ты действуешь, как настоящая свинья!
- Ах, раз я свинья, пошел ты на х…

И Цуканов с грохотом бросил трубку, ушел к себе.

Бовин, как и другие, присутствовавший при происшествии, откомментировал так: «Член Центральной ревизионной комиссии КПСС, помощник Генерального секретаря нашей ленинской партии назвал члена Центрального Комитета Коммунистической партии Советского Союза, первого помощника Генерального секретаря Центрального Комитета нашей ленинской партии свиньей, за это был послан последним на х…». И далее (тот же Бовин): «Граф! Теперь ты можешь написать свой международный раздел на уровне Маркса, Энгельса и даже Ленина, но все равно «Воробей» расклюет его и затопчет в говне».

А проблемы есть, помимо этой нашей суеты. Речь избирательная. Нужна платформа, пусть и, конечно, в рамках «программы мира» (принят был такой документ на XXIV съезде КПСС). Но надо что-то сказать. В политике нельзя стоять на месте. Перемена, действительно, почти неправдоподобная, если посмотреть с рубежа 1970 года.

Но сейчас ситуация такая: в словах (по логике самой борьбы и по другим причинам) содержится больше того, на что мы сами на деле готовы идти. То, что мы рассчитывали иметь, начиная «мирное наступление», уже завоевано. Дальше мы идти не можем и не хотим – дальше идеологический «классовый» предел. (Пример нагляднейший – Европа. Реальную разрядку и безопасность в Европе мы уже имеем. Но в ответ – на нас развернули контрнаступление. Требуют идеологической разрядки. Для нас это немыслимо). А раз так, надо прекратить пышную словесность. Не ставить себя в глупое положение, не подставляться под удары партнеров. Надо спокойно утрамбовывать полученное. На этом я и стою.

А Арбатов и Бовин считают, что словеса надо продолжать и усиливать. Так как мы этим, мол, сами себя повязываем, загоняем себя в дурацкое положение и становимся вынужденными (чтобы выйти из него) предпринимать что-то реальное, например, в области разоружения и даже идеологических послаблений.

Это, конечно, вздор. Арабески технаря-романтика (имею в виду Арбатова), которому не дают спать лавры Киссинджера.

13 мая 74 г.

Встал пораньше, чтоб писать.

С разоружением стало еще хуже (Арбатов думает, что он знает какие-то секреты). Весь мир видит, что препятствием в этом процессе стали мы. Мы добились разрядки военной напряженности. Войны мы не хотим и не будем ее провоцировать. Но и – никакого реального разоружения. По причинам совсем иным.

То же самое – с блоками. Варшавский пакт нам нужен вовсе не против НАТО (как и американцам НАТО – не против нас). Весь мир это давно отлично понимает. И зачем же шуметь на этот счет. Зачем вести словесную «холодную войну»?! Так что, я предлагаю прагматическую платформу: утрамбовывать полученное и все внимание – к экономическим связям. Иноземцев (который в курсе) говорит, что бардак у нас в этом деле страшенный. Дело не только в том, что у нас не хватает, чем торговать. Дело главным образом в нашей системе общения с капиталистическим миром и полном отсутствии ответственности на том уровне, где есть компетентность. И соответственно – наоборот. (Ответственность – в смысле права решать).

Телеграмма из Лондона. Посол беседовал с Голланом (генсек компартии) на сюжеты по нашему поручению. Тот по-прежнему шипит по поводу международного Совещания. Вы, мол, советуетесь только с теми, мнение которых вам заранее известно. А потом изображаете дело так, будто уже многие братские партии поддерживают вашу идею. И вообще, толку де от этих ваших совещаний нет, потому что нельзя всерьез поговорить – идет обмен заранее заготовленными речами…

И вот я подумал: до чего же дошло наше МКД и как оно выглядит. Пример: Португалия. Свергнут фашизм после пятидесяти лет господства. Сброшен сходу армией. Развернулся самый настоящий «февраль 1917 года». Событие огромное. Куньял на другой же день возвращается в страну и его на аэродроме встречают так, как Ленина на Финском вокзале. Но я не о том! Лидер португальской соцпартии Соареш – и недели не прошло после переворота – едет по странам Европы. Встречается со своими друзьями из Социнтернационала, присутствует на Совещании соцпартий северных стран. И везде – публичные резолюции в поддержку Португалии, обещания политической и материальной помощи демократическому развитию в Португалии. Это ли не реальный интернационализм на социал-демократический манер. Между тем, резолюции принимаются по инициативе **правящих** социал-демократических партий. Они не боятся дипломатических скандалов, не чувствуют даже неудобства от своих коллективных акций. Попробовало бы комдвижение сделать нечто подобное! Попробовал бы кто-нибудь предложить кому-нибудь

конференцию по Португалии или что-то в этом роде, - все бы шарахнулись в разные стороны.

Понять все это очень легко. И тем не менее – грустно!

17 мая 74 г.

Вчера я вернулся из Волынского-2. Хотя чемодан еще там и наездами еще придется работать. Цуканов, Арбатов, Иноземцев были с нашим «материалом» у Брежнева. Читали. Цуканов уверяет, что на Брежнева произвело впечатление («знаю его 15 лет и чувство меня не обманывает»). Замечаний мало. Реализовать их – проблема нескольких часов, что вчера и сделано было.

В показанном варианте – скорее моя точка зрения, чем точка зрения Арбатова или Иноземцева относительно того, как держать себя дальше (против «иллюзионизма»). Брежнев попросил лично упомянуть Брандта и Помпиду.

Вообще конец апреля и начало мая насыщен событиями:

- Ушел Брандт (дело Гийома – шпиона ГДР);
- Сражение Миттерана – Жискар д'Эстена во Франции (визит Червоненко к Жискару, скандал – заявление ПБ ФКП в «Юманите»);
- Португалия, где только что сформировалось правительство и Куньял (министр без портфеля) одна из главных его фигур;
- В Израиле три палестинца захватили школу, потребовали освобождения из тюрьмы своих соратников-убийц, потом штурм школы – 20 убитых, 70 раненых, главным образом ребята. Наш газетный комментарий: Израиль сам виноват!
- В Италии на референдуме по вопросу о разводе линия коммунистов получила неожиданный для них самих перевес – 60 %;
- Затрещал «Общий рынок»: Италия и Дания ввели пошлины. И сейчас идет поток оценок – пессимизм и разочарование всех тех, кто в нем видел будущее Европы. Кстати, я лично думал, был убежден и всегда отстаивал эту точку зрения, что «Общий рынок» укоренился в жизни Европы сильнее и необратимее, чем это оказалось на самом деле;
- В связи с португальской революцией рухнула последняя колониальная империя в Африке.

В общем, все в переменах и брожении.

Европейское Совещание компартий повисает в неопределенности. Наше настояние завершить его на «высшем уровне» теряет смысл, так как общепризнанные творцы разрядки (кроме Брежнева) ушли со сцены, а присутствие Никсона в его теперешнем положении вряд ли добавит авторитета этому «высшему уровню».

И у нас, и там высказывают опасения насчет будущего разрядки. Мне кажется, ей никто не угрожает. Из-за Ближнего Востока теперь уже никто не полезет в большую драку, из-за Юго-Восточной Азии – тем более. Все заняты своими делами, хлопот полный рот, чтоб удержать на уровне «общество потребления» – и к разрядке уже начинают привыкать, как в свое время привыкли к «холодной войне».

И это обретает реальность – почвы для большой войны нет. Если она возникнет, то причиной ее будут идеологические мифы, т.е. глупость человеческая, которая в нашу эпоху уже непростительна, потому что исторически не оправдана. Раньше у обществ и правительств (в силу материальной неразвитости) не было альтернативы, война была заложена в самой закономерности объективного развития. Теперь уже не так. Теперь война будет, если на авансцену выйдут вселенские «Трапезниковы».

Неопубликованная речь Брежнева на встрече с ветеранами 18-ой армии. Прочитал стенограмму в Волынском. Флотские брюки на 36 см., почему-то расстроился, рассказывая, как мы расшатали Программой мира капитализм… Говорил без бумаги.

На Западе выпустили II том мемуаров Хрущева. На этот раз – они с магнитофонных лент, которые хранятся в Гарварде и каждый может придти и послушать сам. Встречи Никиты с Капицей и Сахаровым по поводу водородной бомбы. Сожаления по поводу «полицейских мер» в отношении Пастернака, отношение к Евтушенко, к «новым школам» в искусстве. Такой вроде добрый дядя, огорченный post factum недоразумениями с интеллигенцией, тем что он поздно понял значение «свободы творчества» и т.п.

А между тем, то, что мы уже 10 лет в Вольтерах имеем Демичева и Трапезникова виноват непосредственно Никита. Хотя корни этих деятелей – в сталинизме.

11 июня 74 г.

В конце мая вылетел в Швейцарию, на Х съезд ШПТ (Швейцарская компартия, официальное название – Швейцарская партия труда) с поездкой по стране. Козырь – глава делегации, первый секретарь Одесского обкома. Затем присоединились из Франции Панков, Якухин и другие.

Вечером в Цюрихе знакомство с Игорем Мельниковым – корреспондент газеты «Правда» из Вены. Гостиница модерн на окраине Цюриха, у склона горы.

Утром 31 мая – поездка к Рейнскому водопаду. Обед на берегу Рейна в Шаффхавене – городок, откуда Ленин уезжал из Швейцарии.

К вечеру в Базеле. Обед в ресторане с Венсаном, Хоффером, Даффлоном,Эдигером (надежда партии). Первые острожные контакты: Эдигер смотрел с подозрением на меня, огрызался. По-моему, он начал меня уважать только после встречи делегации с новым Политбюро в Лозанне и, особенно, после моего выступления на собрании в Женеве в тот же вечер. До этого, на съезде, держался сухо и неприязненно. Так же и Маньен. Впрочем, и Венсан только в Лозанне оценил, что мы приехали с серьезными намерениями и ради этих намерений послан именно я.

С 1 по 3 июня - съезд. Доклад Венсана – ни слова об СССР, но все остальное свидетельствовало «о возвращении в семью». Выступление Козыря. Практически на 80 % его «не слышали». Но встречали и провожали бурно, стоя. Этого удостоились еще только испанцы (скорее всего потому, что много испанцев-иммигрантов было в зале) и, конечно, Володя Тейтельбойм – Чили. Выступал он ораторски очень сильно. В его докладе в основном – «об уроках», явно подготовленном Карякиным для меня (для Пономарева) и что уже стало очередным учением Б.Н.'а «об уроках Чили».

Прогулки по городу. Трамваи Базеля. Книги Солженицына в витринах. Итальянцы на улицах пустынного воскресного города, как у себя в неаполитанской или сицилийской деревне: играют, возятся, шутят со своими девицами…Холеные, надменные швецарцы (немцы) с презрением взирают на эту «низшую» расу, которая, однако, составляет шестую часть населения страны. На некоторых заводах 80 % рабочих – иностранцы. А по 40-50 % - обычное явление.

Вечер – встреча с активом. Мое первое большое выступление и почти все ответы на вопросы.

12 июня 74 г.

Девушка с вопросом об инфляции в СССР. Седовласый литератор, который еще на съезде спрашивал, может ли он со мной побеседовать по поводу «свободы творчества». Он задал такой вопрос: как у вас формируются новые идеи?

Я много говорил, не всегда убедительно для самого себя. Объяснения Козыря – почему у них в Одессе бывает иногда разница цен на картошку и клубнику весной в магазинах и на колхозном рынке, вызвали недоумение и иронические улыбки.

В Лозанне, в Народном доме – встреча с новым Политбюро. Говорил в основном я. Венсан: «Мы, мол, выговорились на съезде, вы все слышали, а теперь вы скажите то, что считаете нужным». Проблемы Китая, Уотергейта, конференции КП Европы и международного Совещания.

15 июня 74 г.

На другой день утром уехали в Берн. Грязная гостиница в самом центре города. Часа три шатался по городу. Демонстрация студентов на велосипедах.

Вечером был прием в посольстве – все Политбюро. Застольное великолепие Венсана (он по профессии адвокат, известный не только в Швейцарии). Европейская масштабность его и других. Убожество Козыря на этом фоне. Торжественно-ироническое восприятие приветствия ЦК КПСС Венсану (по случаю избрания председателем ШПГ). Феерия его воспоминаний об участии во французском Сопротивлении. Пустяки о тогдашнем хлебе, о зонтике в Карловых Варах в 1945 году, но изящно: умение заполнять мертвое время условностей, с помощью которых делается политика.

К концу вечера он отозвал в сторону Панкова и сказал следующее: «Партии угрожает серьезный скандал. Из-за инфляции горит газета. Чтоб покрыть дефицит в 200 000 франков, мы залезли в страховую кассу типографских рабочих. Если это обнаружится, газету конфискуют и не исключено судебное дело, т.е. политический скандал, который надолго опозорит партию. Нужна ваша срочная помощь».

На утро мы с Панковым заскочили в посольство и через резидента дали шифровку в Москву (посол к таким вещам не допускается) – просили помочь. По приезде я узнал, что вопрос решен: им дают сверх обычной годовой нормы 12 000 долларов - немедленно.

Б.Н. оказался в это время у избирателей. А вернувшись, для формальности поинтересовался – как там в ШПГ. Впрочем, может быть больше того, что дано в двух шифрограммах о существе дела и не нужно? Для его политики!

Сам он опять в состоянии эйфории   готовится во главе делегации во Францию – обговаривать европейскую конференцию КП. Обнаружилось, что он через Загладина поручил мне, как только вернусь, заняться материалами «шестерки» (встреча секретарей ЦК компартий стран Варшавского договора), которая состоится 26 июня, - возглавить в Серебряном бору группу Жилина. Однако Загладин не передал мне этого. Обнаружилось это «назначение» Жилина, когда мы оба, я и Загладин, сидели у Б.Н., который потом выражал гнев, явно понимая, что за этим (т.е. за маневром Загладина) «непринципиальные соображения». Б.Н. сказал: «А вы не стесняйтесь, берите в свои руки».

Вчера состоялась речь Брежнева перед избирателями. Успел пока только кусками услышать по радио, потому что во время заседания в Кремле мне пришлось работать. В международном разделе, над которым я сидел в Волынском-2, заметны кое-какие перемены, особенно по советско-американским делам и по разоружению. Но основное «Воробью», видно, не дали расклевать. У Брежнева все хуже с произношением. Он коверкает самые простые слова.

Навеянное вчерашней встречей Брежнева с избирателями: недели две назад, в конце мая, идучи на работу, встретился с Хавинсоном (он прогуливает себя в определенном направлении, а потом его подбирает машина). Я как раз накануне вернулся из Волынского. «Да, я знаю, - произнес мудрый Хавинсон[1]. - Мне Коля (Иноземцев) говорил… Они ведь

[1] В начале «холодной войны» Яков Семенович Хавинсон под псевдонимом Маринин выступал регулярно в «Правде» с блестящими статьями по международным делам. Во время Отечественной войны был в руководящей верхушке Совинформбюро. Потом получил нокдаун от «космополитии» и был «сослан» в Институт академика Варги, преобразованный в 50-ых годах в Институт мировой экономики и международных отношений Академии наук СССР, где Хавинсон стал главным редактором академического журнала под таким же названием. Высокий красивый еврей, саркастически умный. В это время ему было около 70-ти.

вместе с Арбатовым и Цукановым были у Генерального в связи с этой «вашей деятельностью» в Волынском. Коля в который раз выносит впечатление, что «ничего не будет». Генеральный принимает аргументы, соглашается с предложениями, возмущается сам и т.д., но смотришь на него и видишь: ничего не будет сделано. Не раз Иноземцев говорил ему, что после декабрьского Пленума, как и в 1972 году, ничего практически не делается. Аппарат и Совмин все заблокировали. И опять – хорошие слова и резкая критика лишь на мгновение вызвали колебания воздуха. Генеральный это знает…, но ничего не изменится. Что вы думаете по этому поводу, Толя?»

Опять произнесена хорошая речь. Но Косыгин, Демичев и прочие остаются на своих местах. И ничего не сдвинется.

18 июня 74 г.

Подготовка к «шестерке». Поездка в Серебряный бор.

Встреча делегации Бельгийской соцпартии (16 секретарей обкомов) в Шереметьево. Так как Загладин уезжает в Париж, возиться с ними буду я. «Новое качество», такое впервые в истории не с братской партией, а с социал-демократами. Говорил речь о том, что отношения между КРСС и БСП представляют тенденцию, за которой будущее.

Умная статья о мировом хозяйстве Э. Плетнева в журнале Хавинсона.

Тадеуш Ярошевский «Личность и общество» - впервые толково об экзистенционализме. И вообще необычная книга на фоне нашей «философского» талмудизма.

20 июня 74 г.

Вчера утром провожал Пономарева в Париж. Это он меня специально позвал «для количества», о чем простодушно сообщил мне: мол, секретарей (ЦК) никого нет.

Потом уехал в Серебряный бор доделывать документ – директивы к «шестерке».

Вечером был в Большом театре на «Ла Скала» «Норма» Беллини. Бомонд. Временами давился от смеха. Действо профанирует и музыку, и действительно мощные голоса. И хотя по окончании артистов (в буквальном смысле, не в переносном) закидали цветами, я вышел из театра окончательно и навсегда убежденный, что опера, как вид искусства, мертва и даже хуже – она смешна. Только профессионал или сноб может всерьез оспаривать это. Надо быть очень примитивным или ограниченным человеком, чтобы испытывать действительное наслаждение от такого искусства.

Сегодня меня пригласили в Совэкспортфильм посмотреть новую картину Феллини «Я вспоминаю». Очень национально итальянский фильм. Характер города и образ жизни, конкретизированный на обстановке 30-ых годов. Очень точный анализ сугубо кинематографическими средствами. Типажи, ситуации.. Немало, правда, и феллиневской выпендрели.

6 июля 74г.

26 июня состоялась «шестерка» все порешили: о сроках, о графике подготовки конференции КП Европы. Подговорили Аксена (СЕПГ) выступить с предложением – поручить КПСС подготовку проектов документов конференции, а потом-де согласовать с шестью-пятью остальными.

[Дьюла Хорн – зам. Международного отдела ВСРП, парень, который был у меня переводчиком в 1960 году, когда мы из Праги приезжали на Балатон, на отдых. Он почти не изменился, а ведь прошло 15 лет. Переводил он тогда так: «жена козла» (это значит коза).]

Теперь поляки поедут в Рим, чтобы составить (уже согласованное с нами) закрытое письмо от ИКП-ПОРП ко всем европейским КП с приглашением на консультативную встречу в Варшаве в конце сентября.

По итогам «шестерки» принято решение ПБ. По этому решению мы себя обязали подготовить проекты Декларации конференции (аналитический документ) и «Обращение к народам Европы» в течение полутора месяцев. По требованию Б.Н. переезжаем на Дачу Горького (Б.Н. там рядом живет и будет к нам наведываться).

Зло берет. Когда я сам углубился в тему, понял, как много надо сделать, вжиться в материал, попробовать с десяток вариантов, искать слова, существующие брежневские формулы сочетать с брюссельскими западно-коммунистическими и т.д. и т.п. Но консультантам это уже все до лампочки: ткнешь носом – пожалуйста, сделаем, как вы хотите. А чтоб самим- зачем силы-то тратить, когда можно поиграть в бильярд, в шахматы, сбегать на речку. Подумаешь, Черняев расстроится! Делов-то! Ведь в конце концов все всегда получается.

Единственный, кто кроме меня озабочен этим разложением, это Брутенц. Он действительно духовно богатый, незаурядный человек. А для меня, пожалуй, единственный, с которым я могу говорить открыто обо всем, зная, что буду понят, что это интересно для него. Т.е. он мой друг, при всех оговорках, которые проистекают из-за уж слишком большой между нами разницы в характерах.

Между прочим, по окончании подготовки речи Брежнева был в Волынском «товарищеский» ужин. И имел место эпизод, который может получить продолжение. Уже в подпитии Колька (Иноземцев – академик и депутат Верховного Совета, кандидат в члены ЦК и т.д.) произнес второй свой тост «за международников», за их роль в партийной политике, в общественном нашем развитии т.д. Наперебой подхватили тему Арбатов, Шапошников и другие. Почуяв неладное, они говорили о том, что мы, мол, международники просто стараемся хорошо помогать ЦК и проч. в этом роде. Но уже было поздно: присутствовал Гаврилов, помощник Демичева, его близкий собутыльник и друг, и одновременно друг Карэна. Он сразу все усек и стал собираться к выходу. Его задержали, стали говорить о единстве международных дел и пропаганды, смазывая неловкость и понимая, что при подонке и стукаче не надо было «эту тему» поднимать…

Возвращаясь к европейской конференции, надо сказать вот о чем. Когда мы ее замышляли, идея была положить в основу сочетание разрядки с борьбой за социализм во всей Европе. Так мы представляли себе и отличие этой, новой конференции от Карловарской, и этим хотели привлечь, заинтересовать западноевропейские КП. Они с подозрением продолжают наблюдать за нашим мирным сосуществованием с правительствами и деятелями, против которых они ведут ожесточенную политическую войну. Б.Н., съездивший (еще перед «шестеркой») в Париж, зондировал там на эту тему Марше. И что же? Оказывается они (ФКП) совсем не хотят поднимать на общеевропейской конференции «социальных проблем». Мораль сей басни такова: делайте свою разрядку, поскольку действительно альтернативы нет, а мы будем делать свои дела, имея в отдаленной перспективе «свой» западноевропейский, действительно, развитой социализм. Вам, соцстранам, в это лезть не следует, только повредите общению нас с нашими союзниками (социал-демократами), да и в глазах общественного мнения, так как мы такого социализма, как в СССР и в «странах народной демократии», не хотим и тем более его не хотят «наши массы».

Тем не менее, Б.Н. считает, что не будем отказываться от идеи сочетания мирного сосуществования с «социальным прогрессом» и «классовой борьбой». Дело за словесностью!

Визит Никсона с 27 июня по 3 июля. Шуму меньше, но кондоминиум вырисовывается довольно реально. Эпизод с проектом постановления ПБ по итогам визита Б.Н., как всегда, подсуетился его подготовить, хотя прямо отношения к переговорам не

имел. Поручил Кускову. И в последний момент, отредактировав собственноручно текст, все таки не удержался и заставил меня смотреть. Я обратил его внимание на то, что партийный документ не может повторять формулы совместного коммюнике, создавая впечатление, что ПБ КПСС всерьез считает, что «американский империализм» будет бороться за прогресс человечества, за справедливость на Ближнем Востоке, за интересы всех народов и т.п. Б.Н. взвился. Заявил, что он тоже «в этом духе» правил, но не доправил … И матерно выругался в адрес Кускова, который пыжится с «классовым подходом» ко всему на свете, а такие вещи пропускает.

Вчера аналогичная история повторилась с подготовкой информации компартиям по итогам визита Никсона.

13 июля 74 г.

Составляем «проект схемы плана проспекта Декларации» (так мои консультанты язвительно оценили задачу – из пяти родительных падежей подряд) для общеевропейской конференции компартий, которую неизвестно еще согласятся ли они проводить. Впрочем, по сообщению поляка Фрелека, который ездил в Рим, итальянцы согласились разослать письмо ИКП-ПОРП всем европейским КП, но смазали там всю конкретику.

Приезжал к нам на Дачу Горького Б.Н. Два часа излагал свою концепцию, смысл которой главным образом в том, чтобы в «документе» показать спасительную роль социализма для Европы и «мобилизовать» всех против антисоветизма.

Впрочем, вчера, когда я был у него по другим делам, он уже говорил иначе: мол, западных КП большинство, а мы все о себе, да о себе… Это влияние Катушева, с которым он встречался накануне и мнение которого привез Шахназаров на дачу за два дня до этого. Однако, у Катышева есть тоже бредовые идеи. Например, показать, что мы, соцстраны, одобряем и поддерживаем линию западных КП на «народный фронт» (как перспективу революции). Шахназарову я разъяснил, что западные КП больше всего боятся нашего «одобрения» их внутренней политики, так как в этом случае она сразу вызывает подозрение у «союзников» КП, да и у самих масс, становится «политикой Москвы».

Он также предлагает в Программу европейского мира, которую мы сочиняем для конференции, включить пункт о создании в Западном и Восточном Берлине общеевропейского культурного центра! (Как в «третью корзинку» государственного совещания по безопасности – в Женеве!).

В общем-то на этой нашей «теоретической» возне отражается все большая «дивергенция» между реальной политикой и идеологией. Она очень заметна во внутрипартийном документе – информации ЦК об итогах визита Никсона. Вся ее оценочная часть, связанная с нашей политикой на США, тянет к выводу, что наши конструктивные и улучшающиеся отношения с американцами служат не только ликвидации войны, но и прогрессу всего человечества. И только в конце, в четырехстрочном абзаце, будто спохватившись, сказано, что надо помнить о сохраняющихся принципиальных противоречиях. О необходимости идеологической борьбы уже ничего не говорится.

Кстати, в своем выступлении перед нами на даче, Б.Н., как бы вскользь и с явным сожалением (но и с безнадежностью в голосе) заметил: мы, мол, в газетах теперь уже почти не пишем о борьбе против империализма, так хотя бы надо компенсировать это борьбой против антисоветизма.

Любопытна в этой связи фраза, проброшенная Шишлиным (консультант в Отделе Катушева) вчера, когда мы на веранде сообща редактировали «схему». «Знаете, мол, как однажды Генеральный выразился, о вашем Пономареве? Он, мол, все про империализм, да империализм… А времена-то изменились. И империализм-то по разному выглядит в зависимости от того, кто его представляет»… Что-то в этом роде.

Да. Сами реальные дела, которые Брежнев делает каждодневно будут толкать в направлении деидеологизации прежде всего нашей международной политики. И наша связь с комдвижением все больше будет выглядеть помехой. А отсюда марксистско-ленинская дидактика в отношении того, как им, западным КП, идти к социализму, будет становиться все более неуместной, а наши попытки идеологически вмешиваться в их дела будет встречать все больший и все более открытый отпор. Итальянцы это лучше всех понимают и поэтому открыто поощряют нашу «реальполитик» (Берлингуэр в беседах с Фрелеком больше всего был озабочен тем, как бы наша коммунистическая европейская конференция не помешала Женеве!). А ведь вроде нас это должно заботить в первую очередь!

Очень я опасаюсь, что затеем мы подготовительную работу к созыву конференции, а потом от Брежнева-Громыко поступит гримаса и сами же начнем заматывать это дело.

<u>3 августа 74 г.</u>

С 16 по 25 июля пробыл в Финляндии. Встреча в ЦК КПФ: Аалто – Генеральный секретарь. Впечатление от него: умный, спокойный, неторопливый по-фински, красивый, крепкий, довольно молодой, знает себе цену, уверен в себе. По нашей официальной оценке – главарь право ревизионистской группировки большинства; организатор «правых сил» в партии. В его руках аппарат, пресса.

Три дня путешествия по разным красивым городкам и достопримечательностям Финляндии. Принимали очень хорошо. Я никогда столько и так не танцевал.

Всю ночь провели за ужином с послом в присутствии советника Андреева. Посол умен и деловит, бывший наш резидент там. Из острого и без обиняков разговора стало ясно, что наши референты (в международном Отделе), работавшие не раз в посольстве в Хельсинки и повязанные лично с многими деятелями проводят «свою» политику в отношении КПФ. Правые, левые – это в значительной мере ими искусственно созданное представление, которое перешло в реальность, потому что было усвоено Сусловым, Пономаревым, Пельше и др., словом нашим ЦК. Референты информируют ЦК на основе того, что получают от леваков, которые, однако, тупы, глупы, влиянием нигде, кроме Турку не пользуются и с нашей помощью хотят захватить партию. Массе же коммунистов эта «идейная борьба» в верхушке (за места) до тошноты надоела. И на областном и местном уровне деления «правые-левые» нет и на работе оно не сказывается.

Я согласился с анализом посла. И обещал воздействовать в смысле «исправления». Например, игнорируя Аалто, мы озлобляем его сторонников, его самого и создаем опасность «потерять партию», потому что именно Аалто и его люди делают дело и держат все в руках. Считать их антисоветчиками нет ни фактов, ни оснований. Они изо всех сил хотят доказать, что они лучшие наши друзья. И делают это не втихомолку, а на глазах у всей страны. Если мы и дальше будем их отпихивать и натравливать на них Кайнелайнена и К°, мы превратим их в Ааронзов (лидер компартии Австралии, ярый антисоветчик) собственными руками.

Я согласился с послом и в этом духе говорил с Шапошниковым (он курирует в нашем Отделе Финляндию) по приезде. Он выслушал меня с подозрительностью и дал понять, что лучше б я не вмешивался во всю эту историю, понимая как трудно будет преодолеть «стереотипы» в умах руководства ЦК, в частности, добиться положительной реакции на недавно посланное финскими социал-демократами письмо в ЦК КПСС с предложением развивать межпартийные обмены. (Мне даже не показали этого письма, хотя я веду в Отделе тему социал-демократии).

За время моего пребывания в Финляндии разразился кипрский кризис и сбежал архиепископ-президент Макариос, произошло бескровное свержение фашизма в Афинах. И то и другое очень симптоматично для нашего времени: империалисты НАТО (англичане и

американцы) предотвращают войну между Турцией и Грецией, свергают фашистских путчистов (Самсона) на Кипре и ликвидируют фашистский режим в Греции!!

5 августа 74 г.

Вчера встречал в Шереметьево Макленнана и Уоддиса – члены Политбюро КП Великобритании: приехали выяснять с КПСС отношения по поводу «идеи международного Совещания», которое мы якобы (!) навязываем братским партиям. Джавад правильно предположил, что тут не обошлось без румын. Они, видно, после прошлогодней Крымской встречи изобразили дело так: Брежнев, мол, потребовал Совещания, все, конечно, поддержали. А мы, румыны, Чаушеску, - принципиальные! Стояли на своем, возражали и ставили условия. Теперь-де КПСС будет выламывать руки компартиям капиталистических стран. Многие легко поддадутся. А вы, англичане, вы тоже принципиальные, и на хитрости не поддавайтесь, тем более – на нажим. Стойте на своем. Русским Совещание нужно против китайцев. Нельзя допустить, чтоб они протащили эту свою линию, тогда хана самостоятельности партий. Что-то, очевидно, подобное было обговорено между англичанами и румынами.

И вот они здесь. А Б.Н. отказался их сегодня принимать – у него сирийская делегация. Я в течение трех часов у себя в ЦК разговаривал с ними. Выложил все по конференции европейских КП и по Совещанию, за исключением, конечно, «шестерки», Дачи Горького и т.п. И о китайцах, и о евреях шла речь. Я был предельно откровенен. И аргументов Уоддис не подобрал, потому что в самом деле: если ты за то, чтоб МКД существовало и проявляло себя как единое целое, разумных аргументов нет. Особенно, кажется, их подкупила моя прямота по европейской проблеме. Но, посмотрим, что будет дальше. Как бы не получилось «расхождений» с Пономаревым, что вполне возможно. Он будет лукавить и они сразу уловят «тактику».

10 августа 74 г.

Никсон подал таки в отставку. Пономарев суетится, больше чем нужно, по поводу «пропагандистского обеспечения» этого события и ответа Брежнева Форду (сегодня посол США посетил Кириленко и вручил письмо Форда Брежневу). По этому случаю Б.Н. держит меня со вчерашнего вечера на привязи, хотя МИД все эти бумаги готовит, рассылает, и вовсе не собирается спрашивать у Пономарева, что делать. Громыко в отпуску, но он вчера проявил инициативу: дать в «Правде» редакционную статью – вроде, как правительственное заявление. Подготовили Замятин (ТАСС) и Афанасьев («Правда»), и называлось: «Событие в США и внешняя политика СССР». Прочитав этот ужас, я позвонил Б.Н.'у, который был уже на даче, и сказал, что такое печатать нельзя. Он позвонил Кириленко, который сейчас, в отсутствии Брежнева и Суслова – «на хозяйстве». Публикацию удалось сорвать, она продемонстрировала бы, что мы в панике и сожалеем по Никсону, выдаем свою неуверенность в том, что политика КПСС строится на серьезном фундаменте.

Однако, в «Правде» готовится по указанию Пономарева большая его статья, которой придется заниматься сразу, также как и ответом Брежнева Форду, который приказано сделать «неформально», «человечнее» и т.п.

С англичанами все в порядке. Б.Н. был в форме. Страхи их по поводу Совещания сразу развеял, сказав, что это дело долгое, пока что только идея, и надо сначала провести европейскую конференцию… Они же ожидали выламывания рук. Уоддис, уверявший ранее, что они впервые услышали об этой конференции, из совместного письма ПОРП-ИКП в день отъезда из Лондона, развернул тут же целую программу работы конференции. Кстати, он произнес от имени Исполкома КПВ такой дифирамб в адрес внешней политики

ЦК КПСС, какого мы от англичан не слыхали со времен Гарри Поллита, а уж после Чехословакии и подавно, и какого не было в устах многих наших самых близких, в роде французов…

На другой день на Плотниковом вел с ними разговор об Ирландии, провожал их в Шереметьево.

Пономарев был на Даче Горького вечером 6-го, в день приема англичан. Ругал проект речи, подготовленной для него на Консультативную встречу. Мол, такую речь на ассамблее пацифистов прилично произносить, а не на коммунистическом Совещании. Она в корне противоречит марксистскому положению о том, что пока существует капитализм – война неизбежна. Я тут же ввернул: а как же быть с другим положением – о возможности ликвидации войн еще до полной победы социализма во всем мире? Все засмеялись, на шутке (т.е. на деликатности к старику) этот вопрос замяли. Однако, проблема, вечная с коминтерновцем Пономаревым, осталась: как совместить его, густо замешанную классовость и шумную бдительность по поводу происков НАТО и гонки вооружений с линией Брежнева, который с помощью Александрова-Агентова заявляет в каждой своей речи, что главная тенденция современного развития – это тенденция к миру и безопасности и что можно создать международный порядок, исключающий войну?? В общем, начинается «гармошка».

Б.Н. требует, чтобы уже сейчас я ему представил проспект речи Брежнева на европейской конференции компартий (хотя она будет в феврале-марте 1975 года, т.е. после того, как он произнесет еще массу всяких речей, в том числе на межгосударственном Совещании по безопасности Европы). А нужно это Б.Н., чтоб подсуетиться, когда поедет в отпуск и будет где-то рядом с Брежневым.

Спятил Балмашнов – помощник Пономарева. Красин его застал на черной лестнице, уже перекинувшим одну ногу через перила. Отправили в психушку.

18 августа 74 г.

Неделя была очень плотная. Накануне отъезда Пономарева в отпуск надо было доделать проекты к Консультативной встрече (декларация, Обращение к народам Европы, речь Б.Н.'а на встрече, «сценарий», т.е. с кем из каких партий встретиться, на кого нажать, кого уговорить, кому что «поручить», как между партиями распределить вопросы, которые нам самим не удобно поднимать и т.д.).

Брутенц был забран из нашей команды в Серебряный бор к Шишлину и Шахназарову для подготовки брежневской речи по случаю 25-летия ГДР.

Надо было еще раз встретиться с Каштаном (генсек КП Канады) по возвращении его из Болгарии и дорассказать ему все то, что он хотел услышать, но не услышал на официальной беседе у Б.Н.'а.

А вчера (в субботу) пришлось также встречаться с О'Риорданом, который сегодня возвращается в Ирландию, и объяснить ему все про Консультативную встречу, про саму конференцию, про румын, югославов и т.д.

На Дачу Горького приезжал Б.Н., попросив меня предварительно пригласить туда зам. министра иностранных дел Толю Ковалева, который недавно вернулся с Женевских переговоров. Был большой разговор о перспективах госсовещаний по Европе. Толя все очень четко изложил: если мы хотим кончить в этом году и вообще успешно закончить это дело (Совещание в Хельсинки), мы должны пойти на какие-то шаги. Например, нашу позицию по мерам доверия никто признать и даже понять не может. Мы не согласны оповещать о маневрах войск на расстоянии больше 100 км. от границы, но и об этом сообщать хотим только соседям. Однако, практически для большинства европейских стран 100 км. – это вся их территория. А что значит оповещать только соседей? Польша, например, будет это делать только в отношении своих союзников по Варшавскому пакту,

которые без всякого оповещения будут знать о маневрах задолго. Нелепость очевидная. Но Б.Н. рассказал, как вопрос обсуждался на ПБ. Гречко (министр обороны) решительно отверг предложения «Женевских собеседников» оповещать о маневрах на расстоянии 500 км. от границы, иначе, мол, «они» все будут про нас знать. Между тем, Толя рассказал такой эпизод. В Женеве к нему как-то обратились два американца из делегации США. Спрашивают: «Что это было у вас третьего дня в Рязани?» – Не знаю, - говорит Толя. – А что? «Да уж больно много «чаек» стояло на площади у обкома, причем не с рязанскими номерами». – А откуда вы это знаете, - спросил Толя. «Как откуда? Вам что, неизвестно, что со спутника можно сфотографировать номер автомобиля, рисунок на галстуке и тому подобное».

По «третьему пункту» (об обмене людьми и идеями) дело тоже весьма трудное. Мы, - рассказывает Толя, - согласно директиве решительно возражаем против создания у нас всяких иностранных центров культуры, где можно было бы свободно читать литературу из Франции, Англии, ФРГ etc. Покупать любые их газеты, смотреть фильмы и проч. Мы совсем одиноки в этом упорстве. Наши братья и союзники сидят на переговорах и помалкивают, потому что такие центры есть и в Польше, и в Болгарии, и в Чехословакии, и в Венгрии, не говоря уж об Югославии.

Короче говоря, из беседы с Ковалевым Пономарев, как я понял из встречи его со своими замами перед отъездом в отпуск, сделал вывод: Хельсинское совещание вряд ли закончится в этом году. «И вообще неизвестно еще, как пойдет все дело, раз от нас продолжают требовать такие вещи»…

После выдворения Солженицына Юрка Карякин вновь запросился в Прагу. Уверен, что это не пройдет. Зародов (шеф-редактор журнала «Проблемы мира и социализма») и другие, от которых зависит прохождение Юркиной кандидатуры, знают его, как облупленного. Зародов, когда я с ним говорил об этом, не возражая мне прямо, предложил: «Пошли проверку. Посмотрим… Уверен, что он замешан в делах Солженицына и т.п.» (Проверка – это запрос в КГБ, который выдает данные из своего досье и, если в них есть «сомнительные», сопровождает рекомендацией, можно ли или нельзя посылать человека за границу). Я не стал посылать проверку, чтоб лишний раз не привлекать внимания КГБ к Юрке. Думаю, что что-то на этот счет у них имеется, хотя Карякин тщательно скрывает от меня свои связи. Вот судьба чиновника: ты хоть тысячу раз друг – но я тебе не доверяю! Впрочем, теперь-то все, что связано у него с Солженицыным позади, как и его приятельство с уехавшими Коржавиным, Максимовым, а также с Якиром и всякое прочее.

Юрка сообщил, что Эрик Неизвестный тоже собирается «туда». По этому поводу я произнес речь. Карякин со мной согласился, хотя пришел ко мне оправдывать Неизвестного. Не знаю, может тот и передумал уже. Это тоже была бы большая потеря.

29 сентября 74 г.

Б.Н. задумал поучить братские партии экономической политике на случай, если они придут к власти. Побудила его к этому поездка в Италию. А еще раньше история с Альенде в Чили, а потом португальская революция. Он вспомнил о ленинских работах «Грозящая катастрофа и как с ней бороться» и «Удержат ли большевики государственную власть». Б.Н. решил в подражание Ленину опубликовать статью, отталкиваясь от нынешнего кризиса на Западе. Мы с Дилигенским (ученый из ИМЭМО) и отчасти с Лешей Козловым, еще будучи на Даче Горького, сочинили на эту тему сорок страниц, со ссылками на экономические программы компартии. Отправил я это Б.Н.'у на Юг. Вчера он отреагировал: «Не то». Поразительна его бестактность. Ведь ему написали статью, пусть «не то», но он даже не пытается сделать вид, что в тайном соавторстве с нами, он будет ее доводить. Он просто требует, чтобы ему сделали «то». Из разговора с ним выясняется, что

кризис он представляет себе по старинке, в духе его экзерциций в институте Красной профессуры в 30-ых годах, что он даже не знает, что компартии давно уже основательно разрабатывают эту тему, многое передумали по сравнению с прежними шаблонами. Он хочет выступить со своим «учением» о современном кризисе, понятия не имея о кейнсианстве, не знает, что это такое, полагает, что это какая-то очередная апология капитализма и имеет отношение только к борьбе с марксизмом, но никакого – к той самой реальной политике государственно-монополистического капитализма, благодаря которой Запад и Япония на протяжении четверти века бурно развивались, причем темпами более мощными, чем когда либо социализм.

Это я пишу, чтобы еще раз напомнить себе, в какой интеллектуальной и нравственной атмосфере я работаю.

А между тем, это не самое худшее. Я, кажется, писал раньше об истории с V томом «Истории КПСС» и о последствиях для нашего Зайцева, который был редактором этого тома, а Б.Н. членом главной редакции всего издания. Зайцев третий месяц в психушке. А новый авторский коллектив подготовил новый текст. Федосеев прислал его Б.Н.'у. Тот велел мне посмотреть. Мы с Красиным посмотрели. Там нет ни ВАСХНИЛ'а с Лысенко, ни «сумбура вместо музыки» (про Шостаковича), ни философской дискуссии с Александровым, ни языкознания, ни «экономических проблем социализма» со Сталиным, ни, конечно, космополитии, ни «дела врачей», ни ленинградского дела. Там нет даже сельскохозяйственного Пленума ЦК 1963 года. Там вообще не замечено даже перемен после смерти Сталина и счет ведется по пятилеткам (1946-50, 1950-55). Все хорошо и все гладко. Партия все предвидела и все делала правильно, в том числе и в области идеологии. Я сказал об этом Б.Н.'у и апеллировал не к тому, что наука в этом томе не ночевала, а к недавней истории с советскими абстракционистами, желая предупредить Б.Н.'а, чем дело может кончится, когда все это дойдет до Генсека.

Позапрошлое воскресенье одиннадцать художников, в том числе те, кто не раз по указанию министерства культуры выставлялись за валюту (в пользу государства, конечно) в Нью-Йорке и Лондоне, задумали на каком-то пустыре, на окраине Москвы сделать вернисаж. Предварительно они обратились за разрешением в Моссовет. Ответа не получили и решили, что молчание – знак согласия. Их беспощадно разогнали с помощью пожарных шлангов и бульдозеров. Картины были конфискованы, некоторые раздавлены. Двоих забрали и посадили на пять суток, а иностранных журналистов и одного дипломата помяли. Дело это мгновенно получило международную огласку. Газеты и «Голоса» подняли большой шум. Братские газеты «Юманите», «Унита», «Морнинг стар» и даже «Ланг ог фольк» выступили с осуждением, заявив при этом, что они, компартии, будут вести «совсем иную культурную политику», если придут к власти.

Через несколько дней картины художникам вернули. Извинились. Разрешили вернисаж в парке Измайлово. Оказывается, Александров-Агентов написал возмущенную записку Брежневу. Смысл ее примерно такой: до каких пор мы будем себе срать в карман? Тут же было велено разрешить выставку и наказать виновных, вероятно… водителей бульдозеров.

Так вот, я Б.Н.'у и напомнил эту историю, сказав: «Когда все эти Голоса начнут смеяться над такой историей КПСС, наши друзья-коммунисты не осмелятся вступиться за нас. Наоборот, им придется поддерживать, хотя и на свой лад, кампании против СССР. Короче говоря, мы опять насерем в собственный карман».

Б.Н. меня выслушал и перевел разговор на другую тему.

Но я еще раз на подобную тему. В августе, в Торонто состоялся очередной конгресс социологов. Туда ездил наш консультант философ Красин. Возглавляли делегацию академик Константинов и директор института Руткевич. Позорище, - рассказывает Юрка (Красин) – невиданное. Не только американцы, но и наши поляки ничего не могут понять: вроде бы в течение ряда лет мы эволюционировали в сторону

здравого смысла, ближе к науке, а теперь вдруг опять запели псалмы из «Краткого курса». Спасти лицо пытались в своих выступлениях, и особенно, в «неформальном» общении такие, как Замошкин и ему подобные, которые, кстати, общались с иностранцами на их языках. Но в отчете, присланном в ЦК КПСС об этих – ни слова, превозносятся Руткевич и К°. Я посоветовал информировать Федосеева. Юра был у него. Федосеев, - говорит Красин, - разводит руками вообще и по поводу Руткевича, которого он в свое время выдвинул против меня по делу о «составе рабочего класса». Я, - говорит Красин, - понял так, что за Руткевичем стоит Ягодкин (секретарь МГК) и еще выше Демичев (секретарь ЦК КПСС по идеологии). В Москве известно, что эта банда обкладывает флажками и самого Федосеева, который, мол, прикрывает разных ревизионистов.

В середине сентября состоялось вручение Новороссийску звания города-героя. Делал Брежнев. Соответствующие акции средств массовой информации: волнение от встречи с «малой землей», слезы и объятья, соответствующие слова…, а потом и статьи, в которых Новороссийск, обеспечивший левый фланг всего советско-германского фронта, приравнен к Сталинграду, а Брежнев там сыграл решающую роль, будучи полковником и начальником политотдела армии… Через неделю, когда Гречко вручал то же Керчи, Щербицкий в своей речи назвал Брежнева «великим солдатом и выдающимся полководцем».

Выпущен фильм о вручении звезды Героя Новороссийску.

Кстати, в вышеупомянутом V томе «Истории КПСС» - восстановление промышленности страны было обеспечено восстановлением Запорожстали, где парторгом был Брежнев. А целина была поднята потому, что в Казахстан вторым секретарем был послан Брежнев.

11 октября предстоит его речь в Кишиневе по случаю 50-летия образования Молдавской автономной (!) республики.

Почти каждый день газеты печатают, а радио и телевидение передают письма Брежневу или его приветствия по случаю ввода в строй какого-нибудь завода, электростанции, стройки, той или иной инициативы или победы какого-нибудь коллектива в соцсоревновании. Не говоря уже о том, что также почти каждый день Брежнев приветствует какую-нибудь международную конференцию и они, естественно, проходят под «огромным впечатлением» этих приветствий, а затем принимают ответные послания.

Также не проходит недели, чтоб не появлялось новых Героев соцтруда. На прошлой неделе - Гришин, член Политбюро, в связи с 60-летием. На этой неделе – дюжина писателей, среди которых, наряду с Симоновым, Катаевым, Борис Полевой и Георгий Марков и им подобные «серые».

Приезд Канапы по поводу подготовки Консультативной встречи и конференции компартий Европы. Обед на Плотниковом. Его пижонство.

Много мелких дел. Социал-демократы. Дьюла Хорн (ВСРП).

Юрий Иванов (сионизм) – патологический антисемит в роли референта в нашем международном Отделе.

Читаю рукописи I тома истории (и теории) международного рабочего движения. Высокий уровень. Интересно написано даже уже известное. Удастся ли выпустить?

<u>3 октября 74 г.</u>

Полдня с Дьюлой Хорном. Он очень активен в готовности выполнять решения «шестерки». А я сдерживал, так как выполнять-то их по существу, т.е. сочинять окончательные коллективные тексты все равно придется нам.

Вчера вечером Б.Н. вызвал меня с Загладиным сообщить замечания Суслова на проект Декларации к конференции европейских компартий. Выше я писал о тенденциях самого Пономарева, но перед Сусловым даже он выглядит либералом.

Велел вычеркнуть такие слова, как «сотрудничество», «добрососедские отношения», «система европейского мира», похерил (и долго, говорит Б.Н., ругался) предложения о создании общеевропейской энергетической и транспортной систем (хотя Брежнев не раз об этом говорил), жирно вычеркнул тезис о разъединении войск, ликвидации баз на чужих территориях, о предотвращении конфронтации на морях. С его точки зрения это все не партийный язык и не партийный подход. «Конечно, - передает Б.Н., - мы говорим обо всем этом в пропагандистских целях. Но делаем это потому, что уверены, что империалисты сами никогда не пойдут на меры военной разрядки. А нам такие меры, о которых мы шумим, не выгодны: наши войска в других странах играют очень важную роль, они обеспечивают… (и показал сжатый кулак)».

Я попытался вякнуть на тему о том, что мы не вписали в проект ничего такого, чего не было бы в документах съезда, Пленумов ЦК, в речах Брежнева. Но Б.Н. уже от себя срезал: «Не преувеличивайте разрядки, Анатолий Сергеевич!» Все, конечно, поправили как надо.

Сегодня приезжал Фрелек (зам. международного отдела ПОРП), чтоб согласовать окончательные позиции перед Консультативной встречей в Варшаве. Меня на переговоры не пригласили. Думаю, что в Варшаву поедут не те, кто готовил проекты и идеи.

4 октября 74 г.

В продолжение вчерашней догадки.

Утром зовет Пономарев. Прихожу.

- Мне надо с вами поговорить.
- Пожалуйста.
- Почему вы вчера не были на нашей встрече с поляками?
- Потому, что меня на нее никто не звал!

Молчание… Потом продолжает.

- Вчера Загладин предложил включить в состав делегации на Варшавскую Консультативную встречу себя и Шахназарова. Мол, другие партии посылают по 4-5 человек и это правильно, ведь будут разные комиссии и проч.…
- Борис Николаевич, я все понимаю. Вам неудобно вносить в ЦК в составе делегации двух своих замов. Проблема предпочтения: я или Загладин также совершенно очевидна. Но советником я не поеду. Надеюсь, вы это понимаете.
- То есть вы вообще не поедете в Варшаву?
- Не поеду. То, что едет Шахназаров, это и хорошо. В связи со всей этой проблемой я хотел бы просить вас разрешить мне вообще отстраниться от этой конференции и всего, что с ней связано. Я не буду лукавить: я много вложил в это дело… Но для меня вопрос престижа не столь, очевидно, важен, как для других. Дел у меня и без этого хватает: социал-демократия с венграми и «шестеркой», экономическая политика западноевропейских компартий, многотомник по рабочему движению, а теперь вот ваша статья о роли социализма в революционном процессе (к 25-летию социалистической системы). К тому же нужна уже какая-то концентрация ответственности. А то, что же выходит? Сегодня я отвечаю, завтра Загладин. Толчемся, перебиваем друг друга, лишнее это… До сих пор в общем шло ничего, но пора уж и определиться. Так что я прошу вас уволить меня с этой темы.
- Ну, зачем же так, Анатолий Сергеевич! Ведь это важно и для дела, чтоб вы участвовали. С другой стороны, правда, - ведь и Жилин над этой же темой работает. (Я смолчал!). Хорошо, я подумаю… Только я хотел поговорить с вами об этом по-товарищески…

Я повернулся и ушел.

Все это ерунда, конечно. И неприятное здесь только одно: Жилин (вместе с Загладиным) будет торжествовать победу: Черняева шмякнули, как он ни пыжился изображать из себя главного во всем этом деле!

Когда узнал о случившемся Брутенц, он именно так это и оценил.

Сейчас начался прием в ресторане «Арбат» по случаю 25 – летия ГДР. Я не поехал.

Сегодня день провел опять с Дьюлой Хорном по социал-демократическим делам. Потом обедали на Плотниковом.

7 октября 74 г.

Навестил меня сегодня Волобуев, отставной директор Института истории. Всякие вещи рассказывает про науку. Сценки из заседаний академиков-маразматиков: выдвигают кандидатов на очередные выборы в Академию. Жополижество и прохиндейство совершенно в открытую. Уже никто не стесняется, потому что знает, что только так туда попадают. И именно это эксплуатирует Трапезников: готовность научных сотрудников всех степеней запродать себя с потрохами и ползать публично на животе позволяет ему организовывать любые охоты за ведьмами по части ревизионизма. Может быть, не только порядочных, но позволивших себе нейтральность, изгоняют из ученых советов, с должностей, а то и из институтов. Пошлейшая вакханалия критиканства в духе 1949 года в исторических публикациях, в докладах, во всем… Все напуганы до потери человеческого облика.

Волобуев брюзжит, все поносит, всем недоволен. Неприятно на него смотреть в этой роли, потому что сам он всю свою карьеру строил на том же, что его сейчас возмущает, - на беспринципности, цинизме, демагогии, антисемитизме, «чего изволите» и проч. А теперь, видите ли, он, оказывается, хороший. Но его недовольство – не только ворчание выброшенного из тележки деятеля. Оно глубже… И это страшно, страшно уже не за него, не за себя, не за окружающих, - за страну.

А в это время по телевизору наш главный лобызается с Хоннекером, речи произносит, новые ордена на грудь вешает, ручкой машет организованным немецким толпам и т.п.

8 октября 74 г.

21 год со смерти Ленина – это 1945 год. 21 год со смерти Сталина – это нынешний 1974 год. К 1945 –ому году что осталось от Ленина? Только то, самое общее – что, если б не было его, история после 1917 года пошла бы иначе. А что осталось от Сталина за тот же период? Всё! За исключением массовых репрессий всех кого попало. Вот это значит преемственность «структуры». Вот, что значит самовоспроизводство посредственности, раз она уже захватила власть!

Б.Н. утром позвал к себе и молча протянул постановление ЦК о делегации в Варшаву: там была и моя фамилия. Торжествующе посмотрел на меня, будто пятак подарил. Я уже знал об этом. И равнодушно протянул ему бумагу обратно… Тут же он наговорил мне всяких замечаний к бумагам (в связи с Варшавой), от которых я уже сознательно отошел за последние дни.

Встреча с Галкиным. Рассылка рукописи I тома «Истории рабочего движения». Подписал я один.

Встреча с Бутенко (специалист по соцсистеме в Академии наук). Б.Н. поручил готовить ему статью в ПМС о роли мирового социализма в мировом революционном процессе (30-летие социалистической системы). Это сейчас его больше всего интересует.

Завтра «шестерка» замов международных отделов в тайной квартире на Сивцевом Вражке: сценарий для Варшавы. А сегодня встреча с Суйкой (зам. зав. ПОРП) у Загладина – согласование с нами того, что поляки будут предлагать от себя!

Читаю толстенную книгу Джорджо Бокка «Пальмиро Тольятти» - факты о жизни человека, который приспособился к сталинской необходимости, чтоб стать великим и противопоставить себя наследию Сталина.

13 октября 74 г.

30 лет назад мы с комбатом Толмачевым брали Ригу. По радио услышал, что отмечается эта дата.

А вчера был юбилей Молдавии (его тоже сделали под «50-летие», хотя это 50-летие Молдавской АССР, без Бесарабии). Опять Генеральный не сходил с телевизора и со страниц газет. Туда съехались все первые секретари республик и т.п. Делать больше им дома сейчас нечего. Главный политический смысл я вижу в том, что торжественно, на весь мир, при таком (!) скоплении народа было заявлено (в адрес Чаушеску, конечно), что

а) империалисты с помощью реакционного режима Румынии отторгли Бесарабию в 1918 году от матери-родины;

б) в 1940 году справедливость восторжествовала и весь молдавский народ вместе с Бесарабией **навсегда** добровольно вошел в Советский Союз.

Это очень заинтересует большую прессу на Западе. А Чаушеску озвереет теперь совсем. К тому же был организован (в подтверждение сказанного) грандиозный военный парад в Кишиневе.

Однако публика уже не улавливает никакого смысла в этих perfomances, кроме как желания еще и еще раз демонстрировать «личную роль» и «личный вклад», и обращает внимание лишь на дефекты речи, нелепости «протокола» и т.п. То есть с точки зрения авторитета все эти бесчисленные юбилеи и речи имеют обратный результат.

Завтра еду в Польшу на Консультативную встречу 28-ми европейских компартий.

26 октября 74 г.

С 14 по 19 октября был в Варшаве.

Болтающийся прицепной салон-вагон для Пономарева и Катушева. Ужин там часов до двух ночи. Жилин в роли наглого шута. Панибратство с Катушевым.

«Шестерка» в Варшаве, на вилле, отведенной Пономареву.

«Шведская» гостиница, где жили остальные и все прочие из других стран.

Закулисная работа вместе с поляками: по проблеме двух греческих партий. Известно было, что, как минимум, румыны поставят вопрос о приглашении «внутренней» КПГ и что итальянцы их могут поддержать. Перехвачен был ночной звонок Серге (ИКП) в Афины: посоветовал «внутренникам» послать телеграмму в Варшаву. Поэтому срочно была инспирирована аналогичная просьба от Листера[2] из Парижа, и организовано в Риме интервью «нейтрального» корреспондента с представителем партии «Манифесто»[3], которая, мол, тоже проявила «интерес» к Варшаве. И то, и другое было «ненавязчиво» доведено до сведения румын, итальянцев и испанцев. И они завяли...

Впрочем, Андрей – секретарь РКП не удержался, чтоб не затронуть проблему «объединенной делегации коммунистов Греции». В ответ греческая делегация распространила в письменном виде очень грубый протест. А Канапа на заключительном заседании взял краткую реплику, в которой заявил, что партия (т.е. румыны), поучающая

[2] Листер – герой Гражданской войны в Испании – создал маленькую просоветскую партию в противовес официальной компартии Испании, впавшей в ревизионизм.

[3] Маленькая группа, отколовшаяся от ИКП, занимала левацкие позиции.

нас тут насчет независимости и невмешательства, является единственной среди присутствующих, которая вмешивается в дела другой партии.

Вообще румыны выглядят уже вполне комически и вызывают легкое презрение своими назойливыми повторениями темы невмешательства и самостоятельности. Да и в самом деле – атмосфера отношений между партиями настолько изменилась, что никто реально не ощущает вмешательства, или какого либо давления с нашей стороны. Больше того, все знают, что могут не согласиться с нами по любому вопросу – и от этого «ничего не произойдет». А мы в свою очередь воздерживаемся от таких проблем, по которым можем встретить «несогласие». Например, Б.Н. сам, еще в Москве, предложил снять из своей речи абзац о китайцах. И это было мудро. Это сразу обезоружило всех потенциальных оппозиционеров и вызвало вздох облегчения у тех, которые вслед за нами сочли бы своим долгом тоже сказать на эту тему (прежде всего- соцстраны).

От югославов не ждали ничего неожиданного. Но факт их присутствия вызывал любопытство. Они произнесли свои обычные заклинания: против блоков, в обоснование неприсоединения, как условия независимости, о самом этом движении, как главной международной силе и проч. Тем не менее они здесь и согласны оставаться.

Глядя на участников встречи, физически ощущаешь непередаваемую словами тягу к демонстрации себя как международного движения. Объяснение: времена наступают трудные и непонятные, и на всякий случай лучше «держаться вместе», по крайней мере не обижать Москву, помощь которой в любой момент может понадобиться. У мелкоты, которых дома почти никто не замечает, демонстрационная потребность выглядеть частью международного целого, очень много. Верные из мелкоты, вроде люксембуржца Урбани, западного немца Шредера и т.п. прямо просили Загладина проинструктировать – о чем им надо говорить. Т.е. им самим вся эта затея – ни к чему. Но раз она нужна КПСС, пожалуйста, они готовы на все, так как «КПСС знает, что делает» и от нее многое зависит повсюду.

А нам демонстрация единства нужна, чтоб оставаться идеологической державой: это наш и внешний, и внутренний капитал.

Непосредственное политическое значение предстоящей конференции равно нулю. Ничего она не изменит и ни на что не повлияет, как, впрочем, и общеевропейское Совещание государств (Женевское). Об этом Пономарев нам, своим, твердит почти каждый день. Это все хорошо понимают.

Даже в теоретическом плане… Мы ведь не можем всего сказать о нынешнем положении в мире и в Европе, да еще на коммунистическом собрании! Потому, что мы не можем политически противопоставить себя своим «классовым противникам» до такой степени, до какой это мыслимо с точки зрения нашей марксистско-ленинской теории и как того хотели бы наши братские партии из капиталистических стран. Мы нуждаемся в реальном экономическом мире, который зависит не от коммунистов. На днях я прочел материал о наших экономических связях с капиталистическими странами. Там весьма внушительные вещи, мы интегрально повязаны с капиталистической экономикой.

И рядом с этим вырастают проблемы, которые никакое комдвижение не решит. Неделю назад Киссинджер дал интервью Рестону – философское. Киссинджер выступает там, как «историк», а не как государственный деятель. И начинает с того, что все цивилизации в конце концов погибали, истощив свои ресурсы идейности и исторического воображения. Свою задачу он видит в том, чтоб оттянуть конец нынешней цивилизации. Угрожает ей голод и нехватка энергии. Продовольственная проблема приобретет катастрофический характер. (Кстати, недавно с Б.Н.'ом встречался Кришнан – один из лидеров индийской КП. Сообщил, что уже есть случаи голодной смерти. На этой почве поднимается волна правой реакции и Индире реально угрожает переворот. Просил для спасения положения 2 млн. тонн зерна. Индира просила об этом Брежнева месяц назад. Увы – им дважды отказали).

Над всем этим инфляция (которая есть результат исчерпания кенсианских средств развития капитализма) – она грозит полным хаосом.

Мы, СССР, исходим из того, что сможем «отсидеться» от этих бед. Киссинджер считает, что это не удастся. И в определенной степени он прав. Мы, например, уже объявили своим социалистическим друзьям, что не сможем и впредь продавать им нефть по 16 руб. за тонну, тогда как на мировом рынке она 80-120 руб. Но, если мы поднимем цены на нефть, потом на всякое другое сырье, то при структуре экономики братских стран, которая сложилась под нашим влиянием и давлением, эта экономика рухнет в несколько месяцев. Политические последствия от этого понятны!

А в мировом масштабе надвигается новый фашизм, он вырастает из кризиса. Возможна и новая война, для начала – вóйны.

На подъеме кризиса коммунисты во многих странах набирают очки и их продвижение к правительственным сферам становится все заметнее. Но «верхи» это не только видят – они все чаще начинают говорить в открытую о том, что армии нужны теперь для внутренних нужд.

Вообще грядут любопытные времена. И сколько я ни читаю всякого о том, что может произойти в ближайшей перспективе, ничего путного не видел. Да, и кто решится предсказывать.

Варшава – современный внушительный город. Хоть поляки и говорят, что в своей исторической части он восстановлен по старым чертежам (оно, наверно, так и есть), но современные вкрапления: массивы высотных домов, сквозные магистрали с серпантином развязок, переходы и галереи торговых центров, «шведские» гостиницы и проч. Лишили Варшаву провинциальности, какой много в Праге, Берлине, даже в Будапеште. Это западный город, напоминающий местами голландские города.

Стриптиз в «Доме науки и культуры» - высотном доме типа нашего на Котельнической набережной, построенного Сталиным в подарок Варшаве! Красивые девушки. Одна особенно хороша, трясла своими прелестями в двух метрах от Пономарева, сидевшего, естественно, вместе с членами Политбюро ПОРП на самом почетном месте. У Б.Н. давно заметна склонность к такого рода западным развлечениям. Но интересно, как укладывается в его ортодоксальном мозгу тот факт, что для лидеров наших братских социалистических государств – это нормальный вид вечернего, праздничного отдыха и что в условиях «развивающегося» социализма в Польше, Венгрии этот бизнес получает все большее распространение.

В Варшавских магазинах, в отличие от наших, есть все! Любого качества – от похожей на нашу ширпотребную дрянь до лучших образцов на уровне Запада, в том числе польского происхождения. Но стоит это фантастически дорого. Может быть это и не дороже, чем у нас…, но у нас это имеется только в закрытой для публики секции ГУМ'а.

3 ноября 74 г.

В пятницу Б.Н. пригласил меня на беседу с Куньялом. Присутствуешь при том, как творится история. Это человек, от которого очень много сейчас зависит и не только в Португалии. Смущаясь и торопясь, излагал Пономареву, как на исповеди, что происходит, кто есть кто, как он собирается действовать и на что рассчитывает.

Б.Н. на этот раз очень косноязычно поучал его, как спасать и двигать революцию: знать, что происходит в армии, иметь свою разведку (при ЦК партии), поставить дело охраны лидеров (можем дать для пяти-шести человек соответствующее оружие), ну и за ЦРУ следить.

Помню, как в 1962 году, когда Куньял только что бежал из тюрьмы и приехал в Москву, покойный ныне Терешкин пригласил меня на беседу с ним. Думал ли я тогда, как

все повернется. Думал, наверно, о безнадежности его дела и о героизме его самого. Сам он произвел тогда сильное впечатление, но был подавлен. И вот – во главе революции.

8 ноября 74 г.

Скучный день. Вчера был на параде. Шел все время дождь со снегом, весь промок и был, конечно, без шапки. И вообще… даже на фоне наших референтов я выгляжу, должно быть, затрапезным, в стар採еньком сером пальто и дешевых ботинках. Спасает умение носить вещи. И всегда появляется недоумение: почему люди (те же референты), которые получают на 70 рублей меньше меня, одеты лучше и выглядят более состоятельными. Не будь заграничных поездок – не было бы приличной одежды! Откуда у людей лишние деньги? А вернее – почему у меня никогда нет никаких лишних денег?

На трибунах было необычайно много народу. Не помню такого. Не протиснешься. В речи Гречко впервые отсутствовал знаменитый оборот: «однако силы империализма продолжают угрожать, поэтому мы будем и впредь…» Эта тема сделана элегантнее. И кроме того, он залез не в свою тему, впервые на таком уровне заявил, что в условиях разрядки классовая борьба разворачивается сильнее.

Кончился парад. Ждут все появления демонстрантов. А их нет и нет. Потом из-за Исторического музея появились поливальные машины. Демонстрация была отменена после того, как демонстранты с 7 утра мокли под дождем и уже продвинулись к Красной площади. Сделано, должно быть, под предлогом «заботы о людях».

Потом был прием во Дворце Съездов. Обычно я не хожу туда. На этот раз меня уговорил Джавад, мол, чтоб повидаться с австралийцами (приехал Кленси, председатель СПА) и отделаться от них на все праздники. С Кленси я действительно пообщался. Подгорный произнес скучную речь. И вообще начальство через полчаса удалилось. Заслуживали внимания: Марта Бушман, австрийская красавица из ФРГ; Арбатов с женой, которая блистала среди академиков. Скоро очередные выборы, а Арбатов один из знатных претендентов. Александров-Агентов, обрядившийся в дипломатический мундир со всеми медальками и орденом Ленина. Несмеянов, бывший ректор МГУ, бывший президент Академии наук, которому стало дурно и его вынесли, что, впрочем, не произвело никакого впечатления на окружающих.

Вечером был в гостях у школьного друга Феликса. Там были и другие школьные друзья. Удивительное это явление. Как далеко мы разошлись в жизни, и как много у каждого было возможностей обзавестись интересными друзьями и средой. И эти возможности не раз становились реальностью. И тем не менее осталось что-то такое, что неодолимо тянет нас друг к другу.

15 ноября 74 г.

Неделя очень насыщенная. Приезжали поляки и венгры, чтобы «согласовать» план Подготовительной встречи в Будапеште. Вся работа уложилась в два-три часа в кабинете Загладина. Вечером их принял Б.Н., но это – протокол.

На 16-19 декабря намечена сама встреча.

В понедельник Суйка и Хорн съездят в Рим, согласуют пригласительное письмо и все закрутится.

Б.Н. сегодня согласился, чтоб я съездил на 2-3 дня в Лондон «поработать» с Уоддисом, пообещав ему включение в Рабочую группу по подготовке документов конференции. Но при этом он так отредактировал мою телеграмму, что спесивые англичане не захотят меня принимать.

Приятные встречи по поводу проводов с поляками, и особенно с венграми. Умный и молодой народ: Берец - зав. отделом ЦК ВСРП, 44-х лет. Ни у тех, ни у других (в отличие

от чехов и болгар) ни тени подобострастия, заискивания. И вместе с тем то, что на «интернационалистическом» языке называется – «полное взаимопонимание». Они горды, а венгры даже надменны в делах и при том очень дружелюбны, хотя и язвительны в общении.

Б.Н. устроил разнос по поводу написанной ему еще до праздников статьи в ПМС (к 30-летию социалистической системы). Причем, как это обычно с ним бывает, «забыл», чему учил меня при подготовке статьи и «ругал» как раз за то, что было результатом его прямых желаний. А, кроме того есть жизненное правило:

- первый вариант всегда надо отвергнуть, чтоб «поработали» еще и не зазнавались;
- надо показать, что до его личного вмешательства может быть создано только говно. И т.п.

Но поскольку его воспринимаешь и как человека, с которым в общем-то в довольно товарищеских отношениях столько лет, - я опять взбеленился. И главным образом из-за того, что он все больше и больше теряет всякий стыд и открыто, не стесняясь кричит на людей, которые написали **ему его** авторскую статью. Не советуется, не просит поучаствовать, помочь, не ссылается на собственную занятость (т.е. не извиняется косвенно), а требует, как будто речь идет о служебной бумаге. И он уже и в душе считает нас обязанными по службе писать ему доклады и статьи. Искренне расценивает наше рвение в этом деле, как проявление партийности, как служение партии.

Я, правда, поостыл, потому что он очень долго говорил свои глупости. Тем не менее я был в ответ довольно груб и прям.

Потом (через день) он давал понять, что «переборщил». Однако новый вариант мы ему сделали. И сейчас в лифте (уходя столкнулись в коридоре, и он меня пригласил в свой персональный лифт) говорит: «Это много лучше»…

Так что эта неделя, состоявшая из двух главных событий (дела с венграми и поляками, и статья Пономарева) очень характерной оказалась для моего жизненного положения вообще: почти одновременно чувствуешь себя, с одной стороны политическим деятелем, который довольно свободно и самостоятельно что-то решает, обсуждает, добивается принятия своего мнения на международном уровне. А с другой стороны – писарчуком, мелким чиновником, которого бранят за плохо подготовленную авторскую (!) статью для начальства.

Снят Демичев! Пономарев сообщил мне это с явной радостью и пошутил: «Давайте кандидатуры!» Назначен министром культуры – сегодня опубликовано в «Правде». Произошло это еще «хуже», чем с Полянским (в 60-ых, начале 70-ых годов был членом Политбюро и зампредом Совмина). Суслов вел Политбюро. Под конец говорит: «Еще, товарищи, есть один вопрос. Предлагается утвердить указ президиума Верховного Совета об утверждении П.Н. Демичева министром культуры». Все кивают или одобряют возгласами. «Ну, что же, принято». Но Демичев просит слова, понятно, ошеломленный неожиданностью. Жалко лопочет что-то по поводу того, сколько он сделал для «нашей идеологии», называет почему-то цифру обучающихся в школах экономического самообразования. Говорит, что он «долго был на партийной работе» и назначение ему не привычно, однако он «солдат партии» и т.п. Б.Н. все это рассказывал с нескрываемым злорадством, издевательски.

Я ему ответил тоже шутя: «Для политики, во всяком случае, для ЦК это, безусловно, хорошо, а вот для культуры – сомневаюсь».

По Москве котируются на его место: Зимянин и Абрасимов. Лично мне симпатичнее первый и в хороших отношениях мы, но он горяч и не очень самостоятелен, будет таки подлаживаться ко всем и вся.

Итак, Брежнев не отошел от принципа «стабильности» и на этот раз, и пока не умерла Фурцева, он Демичева «держал». А теперь это выглядит не как акт политического

недовольства им (он оставлен в сфере руководства идеологическим участком), а как снятие технически лично не справившегося работника.

А в так называемом «общественном мнении» как это выглядит? Одни думают, что это продолжение линии назначения членов и кандидатов ПБ министрами (Полянский, Громыко, Гречко). Другие – мой зять, когда я сообщил эту новость, спросил: «А кто такой Демичев?»

Читаю Фейто «Ленинское наследие» - бывший венгерский коммунист, сбежавший в США.

Маркиз де Кюстин «Николаевская Россия». Написана в 1839 году. Издана у нас в 1930. Сплошные аллюзии и ассоциации.

21 ноября 74 г.

В начале декабря поеду в Англию: договариваться с Уоддисом о «совместных действиях» на Будапештской Подготовительной встрече.

Сегодня, не разгибая спины, весь день «совершенствовал» проект Декларации по материалам Варшавской КВ. Задача состоит в том, чтоб многие (во всяком случае важные) партии увидели себя в проекте, но чтоб дух его остался «нашим». Однако, это много интересней, чем писать статьи для Пономарева.

Очередная пошлейшая вакханалия выборов в Академию. В отделе науки некий Пилипенко (зав. сектором философии) напрямую вызывал к себе в кабинет член-корров и академиков, и требовал голосовать «за этих», и «этих», в том числе за себя. Те потом шли к консультанту этого сектора Кузьмину (интеллигенту, которому доверяли) и жаловались, руками разводили. Кузьмин позвонил Красину. Это дошло до Б.Н.'а. Он возмутился и спросил: «А может этот Кузьмин, или как его там, если его вызвать к Суслову, заявить, что было дело?» Красин ответил: «Не знаю… У него, видите ли, ВАК до сих пор докторскую не утвердил»

Арбатов получил проходной балл в Отделении экономики и уже, почитай, академик. Фантастическая карьера: в 1962 году Пономарев ему предложил должность младшего референта в нашем Отделе… А теперь он депутат Верховного Совета, член Ревизионной комиссии КПСС, академик, один из приближенных Генерального. Не то что завидую. На фоне общественного разврата Арбатов даже много лучше других. Другие-то совсем уж прохвосты и маклеры возле науки, в грязной куче которых затерялись «отдельные, настоящие» ученые, получающие свои 2-3 балла в первом туре и выбывающие из игры…

С Б.Н.'ом имел такой разговор.

- Я по другому делу, - говорит мне, - имея в виду «свою» статью. Хочу с Вами посоветоваться. Как мне быть? Ведь, вероятно, на место Демичева будут двигать Зимянина. Я – за. Но кого тогда на «Правду»? Могут предложить Загладина. Я, конечно, не могу возражать. Но давайте взвесим и с точки зрения Отдела, и с точки зрения - хорошо ли это вообще.

- Что Загладин справится, - говорю я, - в этом нет сомнений. Что он согласится – тоже. Но, во первых, почему вы думаете, что будут двигать обязательно Зимянина в секретари ЦК. А почему бы - не Абрасимова, который, как Вы хорошо знаете, ехал из Парижа именно на это место. И у него довольно сильные тылы.

- Нет, нет. Ну что Вы! Это же полный невежда. Зимянин-то не бог весть какой грамотный. А этот уж совсем. Правда, апломбу у него много. И очень нахальный, претенциозный. Но его не все хотят. Я, например, знаю трех членов ПБ, которые будут решительно против (и стал считать по пальцам, но не вслух).

- Я не боюсь, что Загладин сорвется, - продолжал я. Он достаточно уже авторитетная фигура, чтобы там не он приспосабливался, а к нему приспосабливались. И к тому же при внешней решительности, очень осторожен в главном.

- А здоровье?

- Оно перекрывается феноменальной работоспособностью и любовью «делать дело», умением делать все быстро, не откладывая. По уровню знаний, образованности и умению писать он стоит дюжины Зимяниных. А если где и споткнется, у него есть на кого опереться: Андрей Михайлович (Александров-Агентов).

- Это да!

- Впрочем, в этом и слабость его. Так, когда с ним разговариваешь, вроде приличные взгляды. Но стоит Александрову вмешаться, как Загладин будет писать «то, что нужно», не успев даже подумать – рука будет нестись впереди мысли.

- Это тоже правда!

- А для Отдела, - продолжал я, - уход Загладина – потеря невосполнимая. Никто его заменить не сможет: ни по репутации у братских партий, ни по связям, ни по умению работать «с друзьями», ни по многоязычию и влиянию на собеседников, по умению нужным образом сходиться с кем нужно.

- А Жилин?

И тут я выложил про Жилина все, оговорившись, что долго молчал, потому что боялся быть неправильно понятым. И о том, что он года два уже ничего практически не делает, сам пером не водит (и возвел это в теорию), а разглагольствует перед консультантами, которые сдают полуфабрикат или даже просто сырье замам. Загладин так его любит, что ночами готов сам за него работать, лишь бы не подвести. Авторитет он среди консультантов растерял окончательно – и своими пьянками, а главное – своим циничным бездельем. Мы были друзьями. Но отношения именно на этой почве безвозвратно испортились. И я даже подумываю о том, чтобы отказаться от консультантской группы, потому что общаться с Жилиным я просто не могу физически. Он мне отвратителен.

Б.Н. слушал молча. Временами поддакивал или делал вопросительную мимику.

«Объяснение» не закончилось, так как позвонил Александров и Б.Н. помчался, как я понял, рассказывать ему о книжке Дэвидсона про Брежнева.

Читаю второй раз «Бесов» Достоевского. Тридцать лет спустя. Первый раз читал, когда учился еще в школе. И был ошеломлен тогда. А теперь упиваюсь не сюжетом, а языком. Какой язык! Боже ты мой! Каждую фразу хочется по десятку раз перечитывать и запомнить. И думаю – это самое язвительное сочинение Достоевского. Каждый оборот речи идет на нескончаемом издевательстве и иронии.

<u>5 декабря 74 г.</u>

С 29 ноября по 3 декабря был в Лондоне. Произошло то, о чем думал, что воображал в течение десятилетий, с тех пор, как еще в детстве увидел в старой дореволюционной «Ниве» портрет Байрона и никак не мог понять, почему его имя пишется через «у» (Byron): тогда уже, на уровне рощинско-аристократической гувернантки я «знал» французский язык, об английском до университета понятия не имел.

Поездка в КП Великобритании для «согласования» позиций по Будапештской встрече. Визу дали только поздно вечером 28-го, а утром мы вылетели из Шереметьево.

Далее я «телеграфно» буду обозначать цепь событий, потому что описывать каждое с комментариями – на неделю работы.

«Первый класс», который Джавад выбил из Управления делами ЦК в расчете на красный ковер у трапа в Хитроу. Но не было не только ковра, не было и встречающих. Нас

не ждали (из-за виз), на всякий случай послали в аэропорт Мишу Соболева (занимается в посольстве межпартийными связями) – очень милый человек.

В машине в Лондон – первое знакомство с неповторимой «конструкцией» улиц – блоки домов на целую улицу, разделенные на отсеки – индивидуальные двух-трех этажные квартиры. И ни пары одинаковых «рядов». Поразительное разнообразие в однообразии.

Гостиница на Queen'nay terrace упирается в Гайд-парк, в десяти минутах ходьбы от посольства, которое расположено на «частной» улочке.

Попросили заплатить за гостиницу «вперед». 60 фунтов на двоих за 4 дня. А у нас деньги на три дня (поскромничал я, посылая записку в ЦК). Пришлось занимать у посольства.

В посольстве: знакомство и беседа с зам. посла Семеновым В.М. (посол утром этого дня отбыл по вызову в Москву). Симпатичный, умный и (что редко бывает) скромный мидовец. Ввел в обстановку, позвонил Уоддису. Его реакция: «Зачем такая спешка?» Но пригласил в 3 часа к себе в ЦК.

Первая поездка по городу. Первые впечатления: Лондон – целая держава. Во всем его облике: памятники, дворцы, парки, архитектура (за которой мифология британской вездесущности и имперского могущества) – сама история веков, столь хорошо мне знакомая. Даже левостороннее движение, когда все время путаешься, куда смотреть, переходя улицу. Красные двухэтажные автобусы, уникальные по форме черные такси.

В 15.00 в ЦК. Захолустный, обычный, этажей в шесть дом на границе Сохо. В подъезде – неряшливый парень, задравший ноги на какую-то стойку. Отнесся к нам вполне равнодушно. Старая деятельница, бросившаяся к Джаваду, провела в пустую комнату Уоддиса: потертая мебелишка, холодно, папки вокруг, книги, стопки газет. Уоддис вошел, как будто мы живем на противоположной стороне улице. Усадил напротив, вынул лист бумаги и без всяких предисловий уставился на меня с выражением: «Я вас слушаю».

Я стал рассыпать наши «соображения», только чуть-чуть приоткрывая сценарий, разработанный вместе с поляками и венграми. Иногда он ехидно улыбался, что-то помечал. Спустя час он попросил меня остановиться и высказал «со всем согласие». Сказал, что сам не поедет. Врачи разрешают только две самолетные поездки в год, а он уже выполнил норму. Это меня огорчило, ибо он знаком с кухней и знает, где безнадежно сопротивляться нашей инициативе и попусту нервы нам тратить не будет, а новый будет руководствоваться «чистыми принципами» и качать права.

К нашим предложениям по связям лейбористы-КПСС отнесся очень сдержанно. Напомнил, что сказал мне еще в Москве («хотя по вашим глазам я и увидел, что вы не очень поверили: мы не можем систематически общаться не потому, что у нас какие-то политические соображения, а потому, что у нас нет ни людей, ни времени»). Добавил: мы маленькая партия, но у нас обязанности большой партии, такой, как ИКП или ФКП. К тому же наш Исполком считает главной задачей моего международного Отдела развивать интернационалистические кампании внутри страны (Чили, Вьетнам, Португалия, Греция, Куба). А я хоть и являюсь зав. международным Отделом, но заведую только самим собой.

Как бы извиняясь за убогость обстановки, пошутил: вот в таком помещении находится штаб по свержению британского империализма.

Через пять минут после того, как мы начали разговор, в комнату, как бы невзначай, зашел Джон Голлан. Деланное удивление, еще более деланная радость. Поздоровался, отпустил какую-то шутку и, не пробыв и минуты, выскочил. Заранее продуманная сцена – для демонстрации: мол, у нас есть дела поважнее, чем плясать под вашу сурдинку на европейских сборищах. То же самое, спустя еще пять минут проделал Фалбер (зам. генсека партии), который возглавлял делегацию в Варшаве.

Уоддис проводил до дверей, где продолжал, задрав ноги сидеть тот же парень. Не дал за 4 часа ни чаю, ни пригласил «осмотреть помещение» (общепринятый ритуал) и, хоть знал, что мы будем в Лондоне еще почти три дня, не позвал встретиться еще раз.

Под конец я сообщил ему, что Хейворд (генеральный секретарь лейбористской партии) знает, что мы здесь. Я умолчал, естественно, что у нас поручение непременно с ним встретиться. Уоддис опять хорошо отозвался о самом Хейворде, сказал, что у них сейчас, как никогда, хорошие отношения с лейбористами. Напомнил, что Хейворд сейчас, наверно, сверх занят лейбористской конференцией и выразил «некоторое сомнение», сможет ли он нас повидать. (Знать бы ему, что с энтузиазмом отнесся к нашему возможному приезду и каждый день звонил в посольство, спрашивая, когда мы сможем с ним повидаться, хвалился, что именно он выбил из Каллагана визы для нас и заставил МИД в Лондоне и консула в Москве просидеть лишние 4 часа на работе, чтоб обеспечить оформление виз, что он пригласил нас – беспрецедентно! – на заключительное заседание конференции, а встреча с ним уже была назначена на субботний вечер!)

Покинув ЦК КПВ, я долго не мог отделаться от ощущения, чего-то по-диккенсовски жалкого и безнадежного во всей «их деятельности», какой-то обреченности для них быть коммунистами.

Вернулись в посольство. Кубейкин (атташе по культуре, на самом деле – резидент) рассказал, что происходит на лейбористской конференции, предварительно включив «глушитель»: посольство со всех сторон «простреливается» направленными антеннами прослушивания. Договорились, что он утром «уточнит с Хейвордом». Мы будем в городе, чтоб не терять времени, и будем позванивать в посольство.

Ужин в «австрийском» ресторанчике. Принесли с собой водку, подпоили метрдотеля и музыканта, поговорили и пошли в кино в Сохо.

30-го утром после завтрака в гостинице поехали с Мишей по городу, на Oxford street. Великолепие центра, особняки, клубы. Трафальгарская площадь. Нельсон. Заодно заходили во множество магазинов, чтоб наметить «объекты», когда поедем тратить свои скудные фунты, не терять много времени. Магазины потрясают изобилием, разнообразием и классом продукции. Вместе с тем, говорят, что Лондон до сих пор остается «самой дешевой» столицей Европы. Французы, бельгийцы, голландцы, даже шведы и норвежцы ездят сюда на week-end, чтобы сделать выгодные покупки. Правда, скромно поесть в pub'е на троих – 6 фунтов, книги от 2,5 до 5 и более фунтов. Жена пресс-ататше говорила, что они с семьей тратят на еду 100 фунтов, а получает он в месяц 300. Квартира обходится в 60-70 фунтов.

Из всего этого следует (учитывая бесплатную медицину, в том числе лекарства по рецепту, даже очки и зубы; бесплатные учебники и школьные завтраки, бесплатные музеи и прочие общественные места), что жизненный уровень значительно выше нашего. А главное, нет этой унизительной заботы, где достать подходящую вещь, как выкрутиться, чтобы иметь красивую одежду и т.п. Покупки вещей – это удовольствие, развлечение, отдых, а не раздражающая толкотня, заканчивающаяся, как правило, разочарованием.

Около 11-ти Миша позвонил в посольство. Оказывается, Кубейкин уже нас ждет у входа на лейбористскую конференцию. Через 10 минут мы подъехали к бывшей церкви, а теперь конференц-залу, рядом с Вестминстерским аббатством и Парламентом.

У входа - полицейские, напротив на тротуаре - несколько десятков молодых людей с транспарантами: они ждали приезда Шмидта, германского канцлера. Среди плакатов были очень грубые. (Газеты были полны ожиданием скандала: Шмидт едет уговаривать англичан оставаться в «Общем рынке».) Мы прошли мимо входа, я попросил позвать Кубейкина. Тот прибежал. Я изложил ему свои сомнения. Дело в том, что накануне он нам всучивал два пригласительных билета, добытые им «из-под полы». Я же хотел получать билеты от Хейворда. Иначе можно было нарваться на большой скандал: московские коммунисты из самого ЦК КПСС на лейбористской конференции! Неслыханно!

Кубейкин сбегал, разыскал секретаршу Хейворда, та – его самого (он сидел в середине стола президиума), и он сказал: «В чем дело!» И велел ей тут же передать нам билеты.

У входа нас внимательно оглядели (не несем ли мы бомбы). Незадолго перед тем в Бирмингаме, видимо, ирландцы взорвали бомбу – убили 17 человек и 100 ранили, а кроме того, взорвалось несколько почтовых ящиков в самом Лондоне. Позже мы увидели, как полиция шарит в сумочках и портфелях при входе в Национальную галерею и Британский музей.

Внизу, в вестибюле стоял Вильсон (премьер-министр), тоже ждал приезда Шмидта. На лестнице столкнулись с Шортом (зам. лидера партии, председатель парламентской фракции, был в Москве в 1973 году в составе лейбористской делегации). Он вытаращил на нас глаза и в то же мгновение сделал вид, что не увидел нас. Это чисто по-английски. Он сразу, видно, сообразил, что это «штучки» Хейворда. Поздороваться, значило бы «реагировать» тут же или потом.

Круглый зал, амфитеатром со всех сторон. Шло обсуждение резолюций (мы застали 42-ую, а всего - 62). Обстановка ни на что у нас не похожая. «За» и «против» того или иного проекта: шумная, активная реакция зала, если председательствующий (Каллаган) пытается навязать голосование поднятием рук (левые знают, что они останутся в меньшинстве и бегут к столу президиума с требованием голосовать «по мандатам»). В трех случаях им удалось принудить Каллагана.

Искренний и огромный энтузиазм солидарности при обсуждении резолюции по Чили.

Бурные приветствия, когда неожиданно (для нас) в зале появилась Голда Меир. Потом я обратил на это внимание в разговоре с Хейвордом. Он сразу нашелся: дело не в том, что лейбористы так уж любят Израиль, а его политику тем более. Им просто нравится эта старуха, которая с таким упорством гнет свою линию. Англичанам такое импонирует.

Когда мы вошли, Шмидт уже уселся в президиуме между Хейвордом и Вильсоном. Его встретили очень тепло. Потом он говорил – единственный из иностранных гостей. И, пожалуй, впервые в жизни не по книге, а наяву я наблюдал ораторское искусство – политическое. Прежде всего, он говорил на чистом «оксворде», с английскими приемами. То остро шутил, то вдруг становился серьезным, то незаметно предлагал в афористической форме неотразимый аргумент, то иронизировал над обычным пониманием того, что такое политика и как ее надо делать. И т.д. Он говорил минут 40. Аудитория была все время в напряжении и «точно» реагировала на все его «ходы». Проводила она его овацией, хотя он действительно призывал «братскую партию» и «братское правительство» к солидарности в рамках «Общего рынка» в эти трудные для Европы и всего индустриального мира времена.

Внешне он очень элегантен и хорош собой, свободно и уверенно держится.

Обдумывая потом увиденное и услышанное, я понял: Англия никогда не уйдет из «Общего рынка», а «братский союз» двух крупнейших социал-демократических партий – это огромная политическая сила в Европе, причем сила демократическая. И если мы действительно желаем Европе добра и мира, хотим «социального прогресса» на континенте, мы должны учитывать в своей политике (и увы, идеологической борьбе) и то, и другое.

Вечером мы уже были в посольстве, ожидая Хейворда. Кубейкин его привез. Он сходу заговорил о закончившейся конференции, о том, что еще удалось нажать на правых, на правительство. Вновь, как и в Москве, повторил свое кредо: смысл своего пребывания на посту генсека он видит в том, чтобы Британия, наконец, получила «настоящее социалистическое правительство». А для этого надо поломать традицию, когда лейбористское правительство и парламентская фракция позволяют себе не считаться с решениями лейбористской конференции и не признают контроля со стороны Исполкома. Он уже много сделал, чтоб поднять роль и авторитет ИК, воспользовавшись левым приливом, который на этот раз небывало длительный в LP. На этой почве у него нарастает конфликт с Вильсоном, с которым они друзья молодости. (Вильсон на первом заседании,

как только Хейворд начал свою речь, встал и вышел из зала. Вернулся – как только тот кончил).

В этой же связи он сделал ставку на развитие связей с КПСС. Думаю, что никаких идейных симпатий он к нам не имеет. Но относится и без предубеждения, с позиций «здравого смысла».Советский Союз не только реальный и длительный фактор в мировой политике, но и супердержава, да еще явный гарант мира. Никакой угрозы с нашей стороны для Англии, как и вообще угрозы коммунизма в своей стране он не видит. А хорошие отношения с такой страной, т. е. если она его, Хейворда, признает за величину, могут дать большие дивиденды с точки зрения популярности и внутриполитических перспектив. К тому же по натуре он плебей, искренне ненавидит британский аристократический стиль и капитализм. И хотя он прекрасно знает цену нашему «плебейству», мы ему, как народ, в душе, видимо, симпатичны. С нами можно быть «откровенным», можно держать себя попросту. Может быть, впрочем, он сознательно играет на этой карте, как бы ловит нас на слове: раз, мол, вы объявляете себя большими и главными демократами, так давайте и держаться друг с другом соответственно, поскольку я тоже демократ.

Много говорили об ответной делегации КПСС к ним. Он хочет ее иметь на «высоком уровне», думаю, он «мечтает» о Суслове во главе. Но пригласили они ее по линии института Иноземцева, т.е. таким же образом, как и сами были приглашены в 1973 году, настояв именно на этом: правые в лейбористской партии не хотят пока прямых и открытых связей с КПСС, хотя фактически и они сами были на очень высоком уровне, и обещают самый высокий уровень приема у них – открыто и публично. Тут есть и элемент спеси, престижа, а главное, есть, действительно, нежелание у многих уж очень-то с нами родниться

Хейворд утверждает, что «масса» примет делегацию на ура. И вообще, мол, не судите о нашем отношении к вам по прессе. В народе антисоветизма уже нет.

Но «проиграть в этом деле» (его слова) я не могу, ибо тогда все у меня пропало. Этим воспользуются, чтоб меня смять: мол, пыжился, а советские с тобой всерьез и знаться не хотят.

Говорил, что ему приходится действовать с оглядкой. В ИК у него большинство в 1-2 голоса, стоит кому-нибудь из этих одного-двух заболеть или отлучиться – и любой вопрос могут повернуть против него. Правда, он готовит молодых, расставляет их на нужных местах, помогает «стать заметными» (прямо таки ленинская кадровая политика). Однако, до ключевых постов им далеко, нужно время.

Так беседовали мы более трех часов, перемежая «дело» отступлениями. Я ему, как бы невзначай, кинул несколько крупных комплиментов. Например, когда он стал доказывать, какой он социалист, я его прервал и сказал примерно такое: нам не надо это доказывать. Мы еще в Москве убедились, что вы действуете таким образом не ради тактики или выгодной конъюнктуры, а по убеждению. Мы верим в вашу верность своим идеям, рабочему делу. И т.п. Он весь даже вспыхнул, хотя, казалось бы, что ему моя похвала. Впрочем, я говорил «голосом Москвы».

Вспомнили войну. Он был летчиком. Я сказал: я впервые в Англии. Подлетая к Лондону вчера утром, я поразился его необъятным размерам. И это ведь буквально насыщено жизнью. Миллионы домов, десятки миллионов людей. И подумал: какое же надо было мужество и какая нужна была самоотверженность и преданность, чтобы прикрыть этот город от фашистов. Вы это сделали. И весь мир будет всегда вам благодарен за это. Мы выстояли в 41-ом. Вы – в 40-ом. И это наш общий вклад в спасение цивилизации.

Мой Хейворд чуть не прослезился.

Поговорили об их отношениях с коммунистами. Он чуть закипел: я первый за всю историю лейбористский лидер, который не стесняется выступать с одной платформы рядом с коммунистами. Среди них есть активисты, которых я считаю лучшими борцами за социализм, за интересы рабочего класса. Я бы их с радостью принял в LP. Назвал Макгихи

(член ПБ КПВ, вице-президент профсоюза горняков). Я и с Голланом дважды выступал на митингах. А на собрании, посвященном 50-летию англо-советских дипотношений, я говорил лучше его. И показывая пальцем на Кубейкина и Мишу, добавил: Так ведь? Разве не правда?! Но в политике, на выборах они наши противники. И понес их за поведение на последних выборах: выставили кандидатов как раз там, где для нас (LP) каждый голос был дорог, и в результате проскочил тут тори, там либерал.

Я не стал с ним спорить. Да и как спорить? В КПВ - 30 тысяч (и то, как говорится, кто их считал!), а Хейворд представляет 10 миллионов. Доказывать ему, что они большие и лучшие борцы за социализм, бесполезно и… оскорбительно. Потому, что он искренне считает себя лучше их в этом смысле, нужнее, надежнее, сильнее. Ему ни с какой стороны компартия в Англии не нужна. Вот он собирается на Кубу по приглашению Дортикоса, добился посылки Микардо(левый лейборист) наблюдателем на съезд Румынской компартии. Он встречался с Берлингуэром, когда тот приезжал к Голлану. То есть он хочет иметь дело с реальными величинами. На остальное у него нет времени.

Говорил, что в Кенте у него от родителей осталась ферма. Он приспособил ее под дачу. Пригласил съездить, когда появимся в Англии вновь.

Рассказывал о своей поездке в Чили (еще при Альенде), крыл матом британское посольство в Сантьяго и вообще всю английскую дипломатическую службу, которую обещал всю разогнать, когда будет у власти.

Он яростный и немного отчаянный, хотя хитрый англичанин в его характере ни на секунду не выпускает его из своих рук. Во всем он ищет реальную выгоду, иначе – «несерьезно». Он никогда не позволяет фамильярности (к которой мы, советские, склонны, как только атмосфера принимает дружеский оттенок). Но он естественен и без всяких протокольных предрассудков. Быстрый и практичный умом… со своим рыжим пробором и не классически английским лицом.

Сложившиеся отношения с ним – нечто совершенно необычное и, казалось бы, немыслимое между коммунистами и социал-демократами. Как далеко мы ушли за последние годы от сталинских табу… Но, увы! Это касается, хотя и реальной, но закулисной стороны политики. А для миллионов наших партийных активистов и «ученых» (типа Трапезникова) – все стоит на месте. Достаточно взять любую «солидную» книжку о социал-демократии издания 1974 года.

В воскресенье 1 декабря – совсем свободный день. Рано выехали с Мишей: Сити, Флит-стрит, дракон на границе Сити, где до сих пор королева, проезжая платит 1 пенни пошлину; собор Святого Павла Христофера Рени, зашли внутрь послушали службу; окраины Лондона, старый вокзал, библиотека Маркса, где работал Ленин, на пустынной маленькой площади, а рядом XVI века каменная поилка для лошадей. Воскресная ярмарка.

Гринвич – въезд в эту деревню: огромная зеленая лужайка, а посредине одно ветвистое дерево, по ее периферии ряды домов, разноцветные, островерхие. Прямо лубочная картинка с гостиничной стены. Парк вверх к обсерватории. Старые ее здания. И главное – где меридиан!

И часы с 24-мя делениями – те, что дают ориентир для всего мира – гринвичское время! Это – Англия!

Обсерватория стоит на холме. Вниз к Темзе широкая «лужайка». На самом холме памятник Вольфу – завоевателю Канады: «от благодарного канадского народа». Это тоже Англия.

Внизу за лужайкой королевский военно-морской колледж: старинный дворец.

Спустились вниз. Слева от колледжа на вечной стоянке в сухом доке «Cutty Sark» - последний парусный клипер, самое быстроходное парусное судно, какое знала история, с очень славной военной биографией, десятками побед и прочим служением «родине и империи». Создание это (ощущение, что это живой организм) красоты необычайной по

гармоничности и целесообразности своих форм, стремительности и энергии всего своего вида, с килем высотой с его собственные мачты. Великолепное произведение искусства.

Это тоже Англия.

Вернулись в город по мосту Тауэра, мимо самого Тауэра, мимо последнего крейсера второй мировой войны – на вечной стоянке, мимо памятника по случаю «спасения» от пожара, от которого в 1666 году сгорел почти весь Лондон.

Ринулись в Национальную галерею. Она менее богата, чем Лувр, Римские, Флорентийские, но разнообразнее, чем две последние. Скорее напоминает Эрмитаж. Там много самых, самых знаменитых картин. Много итальянцев, французов, фламандцев, голландцев. А самих англичан всего два небольших зала. Они «хитрые» - держат в своих загородных домах, в частных коллекциях. Рейнольдс, Лоуренс, Гейнсборо, Хогарт… Портреты потрясающие. Особенно Гейнсборо «Mrs. Siddons» - красивейшая породистая англичанка, длинноносая и полногрудая, рафинированная аристократка.

Британский музей. Оставался час до закрытия, но если и бегом, то все равно колоссальное ощущение по сравнению с нашими жалкими черепками и копьями. Да, обобрали весь мир. Но цивилизация от этого получила ни с чем не сравнимый выигрыш. И заметьте: с XVII-XVIII века за завоевателем в любой край земли шел ученый, собирал, выискивал, вез домой, изучал, систематизировал и сохранял. Если б не Британский музей с его награбленным больше половины того, что там есть, пропало бы за последние два века безвозвратно – и для мировой культуры и самопознания человечества и, кстати, для самих народов, которые теперь стали тоже (или становятся) цивилизованными.

Вечером «Эммануэль» - фильм того же автора и в том же стиле, что и «Последнее танго в Париже». Я на нем заснул!

Понедельник 2-го. Сначала в посольстве. Сочинение шифровки. Она шла «поверху» и я довольно откровенно изложил на 6 страницах свои выводы и наблюдения.

Утром следующего дня проводы. Семенов в порядке извинения за то, как встречали, организовал это по экстра классу.

А в Москве в тот же день опять доклады и статьи Пономарева, опять ничего не готово: от чего уехал, к тому приехал.

14 декабря 74 г.

9-го мы уехали в Будапешт на «шестерку»: я, Шишлин, Вебер, Иванов. На другой день подъехал Загладин, он только что вернулся из Парижа (был в команде Брежнева к Жискар д'Эстену).

Поселили нас на их «Ленинских горах» в Ракошиевских особняках на горе, на краю города. Место роскошное, а «уровень обслуживания» - королевский.

Встреча у Береца (зав. международного отдела) в ЦК ВСРП.

Затем два дня заседаний с болгарами (Иван Ганев), чехами (Владимир Янку), поляками (Богуш Суйка), немцами (Бруно Малов). «Тайное коммунистическое заседание», где вся кухня будущей встречи и, кроме того, всякие другие дела.

- Сценарий Подготовительной встречи. Распределение ролей между собой и между другими «верными». Проекты документов, порядок инициатив.
- Проблемы современной социал-демократии: обмен информацией о контактах, обмен другими материалами по социал-демократии, разработка координации политики «шестерки» по отношению к социал-демократам.
- Идеологические проблемы в связи с 200-летием США. Координация.
- Проблемы репатриации греков из наших стран.
- Финансирование Совета мира, ВФП и проч., ибо каждый год они сводят с дефицитом, который почти превышает первоначальную сумму бюджета. Прожирают на

любовниц, на разные «мероприятия», вояжи и роскошную жизнь – профессиональные борцы за мир.

- Об участии в съезде правительственной партии «Новый Иран».

Обсуждение всех этих вопросов шло так, как должно быть, это происходило на ранних ступенях существования Коминтерна. Откровенно остро, иногда даже умно.

Мы с Загладиным вели себя как полномочные представители своего ЦК и воспринимали нас именно так, хотя директивы имели (не от ЦК, а всего лишь от Б.Н.'а) и только по первому вопросу.

Ужин в первый день. Тосты. Мой тост – о массе особенностей и интернационализме, и о пионерах революционного движения современности, традиции и стиль которых мы возрождаем на своей «шестерке».

Высокая политическая культура и хорошая деловитость венгров.

Город великолепен. Он, должно быть, в первой пятерке великих европейских центров.

Загладин был только на первых двух вопросах, потом уехал в Москву – ему с Александровым поручено написать текст для Брежнева на предстоящем 16-го Пленуме ЦК (о визитах – Форд, Шмидт, Жискар).

12-го вернулись в Москву. И пошла куралесица с внедрением в Пономарева накопленного в Будапеште.

Мне вчера передали, что Брежнев гневается по поводу того, что ему скоро вновь придется «ехать» – теперь в Египет, Сирию, Ирак. «Зачем я туда поеду? Что я там забыл? Этот Громыко навязал тогда мне… А я не подумал. А теперь, чем больше думаю, тем больше убеждаюсь, что не нужно все это».

И в самом деле – не нужно и вредно. И Международный отдел, во главе с Б.Н.'ом всегда так считал и думал. Но он, к сожалению, не осмелился своевременно вякнуть на этот счет. А теперь уже весь мир обзвонили по поводу предстоящих и, конечно, «исторических» визитов.

Но, думаю, мотивы недовольства – не в зарубежной политике. Скорее, он почувствовал, что надоели и народу, и партии эти его бесконечные поездки и косноязычное фигуряние по телевизору. К тому же, и Пленум на носу по хозяйственным делам, по плану. А здесь – положение весьма печальное. И, наверно, ему докладывают (если не помощники, то Андропов), что, например, в Перми (большой город с военной промышленностью) мясо дают по талонам один раз в неделю – в пятницу, и уже не в магазинах, а распределяют по предприятиям. И, по-видимому, для пермяков совсем неинтересно при этом смотреть бесконечное число раз по телевизору театральные представления на международной сцене во главе с человеком, которому следовало задуматься и о более насущных вещах, ибо мир уже в кармане, если мы сами его не сорвем.

16 декабря 74 г.

Состоялся Пленум ЦК (по госплану на 75 год, «завершающий»). За один день, собственно за 5-6 часов. Вообще в этом году Пленумов, почитай, не было. Оба – предсессионные к Верховному Совету. А зачем?

Этот – скучища. Все те же недостатки, неувязки и узкие места. Те же проблемы. Вялый и бесстрастный Байбаков излагает ситуацию казенно и однотонно. В подтексте и даже в тексте: «воз и ныне там», т.е. об этом точно так же говорилось и на декабрьском Пленуме 73 года.

Оживление вызвал лишь грузинский Шеварднадзе, который докладывал, как он борется со взяточничеством, подхалимажем, нечестностью, рвачеством и т.п. Это, конечно, «малинка», но вместе с тем и что-то светлое пробуждает в заскорузлых мозгах и сердцах сановных бюрократов перед ними борец, который рискует, как может быть рисковали в

свое время и некоторые из них, несет с собой нравственный заряд, давно оставленный этой серой массой в своем былом.

Впрочем, вслед за страстной и честной речью Шеварднадзе Ломакин (Приморский секретарь) совершенно открыто занимался подхалимажем под аплодисменты аудитории. Выступление он посвятил Владивостокской встрече Брежнева с Фордом, сопровождая его немыслимыми дифирамбами и, ссылаясь на самих американцев.

Брежнев произнес многостраничное заключение. Бовин мне рассказал следующее. Он, Бовин, вместе с Арбатовым, Иноземцевым, Цукановым, Сухаревским и еще кем-то сидел два месяца в Волынском-2. Готовили доклад Брежнева на Пленуме ЦК. Подготовлено было 42 страницы «красивого» текста на основе изучения вороха разных закрытых материалов. Впрочем, сами же писари пришли к выводу, что ничего нового по сравнению с декабрьским Пленумом прошлого года не придумали. Бовин предложил примерно наказать двух министров и тут же заявить об их отстранении. Идея не прошла. Не прошел вообще этот большой текст. Велено было свести к 5-8 страницам. Суть, думаю, можно свети к фактам, которые привел Рябов (Свердловский секретарь): в 1968 году заложили трубопрокатный цех в Свердловске, в 1970 стройку заморозили, в этом же году заложили такой же цех в Челябинске, в 1972 году заморозили. В 1974 году выяснилось, что, несмотря на импорт, труб не хватает. Но вместо того, чтобы разморозить (впрочем, уже заржавевшие с тех пор стройки), заложили новый цех в другом городе.

Брежнева слушали вяло. Все уже привыкли к красивым речам. Знают, что ничего им не будет и что даже на закрытом Пленуме не осмелятся на какую-нибудь крутую акцию, которая может выглядеть скандально и очернит «новые грандиозные успехи».

Пленум постановил и дальше «руководствоваться выступлениями Брежнева по этому вопросу».

Бовин говорит, что был момент, когда показалось, что Брежнев на Пленум не пойдет: не здоров, мол, устал от Форда, Цеденбала и Жискара, и вообще, - мигнул Бовин, - чувствовалось за всем этим, что «что-то происходит».

Этой атмосфере усталости и томительно пышной бездеятельности соответствовала процедура с Демичевым: его оставили кандидатом в члены Политбюро, освободив от должности Секретаря ЦК. В самом деле, зачем будоражить общественность, возбуждать всякие разговоры? К съезду само собой все образуется.

Мой проект резолюции Пленума, из-за чего так суетился Пономарев, как и следовало ожидать, оказался в корзине. Не знаю уж, как и кому Б.Н. его представлял, но в принятой резолюции следов моего творения незаметно.

29 декабря 74 г.

На восемь дней отпросился отгулять отпуск и поехал в Пушкино.

Конечно, там писал про разные вещи.

Вот одно из размышлений. Живем, вроде в обстановке «всеобщего порядка и спокойствия» в отличие от всяких заграниц. А там – инфляция, безработица, забастовки, социальная ненависть, нападения и похищения людей, взрывы бомб в магазинах и кафе, а то и просто военные действия – стреляют из пушек и бомбят и во Вьетнаме, и на Ближнем Востоке. Судят и казнят, например, в Эфиопии. Не слишком ли нам спокойно?! Не закоснели ли мы в своем видимом благополучии, а оно, должно быть, действительно, массовое. Недели две назад прошел слух, что с 1 января подорожают кофе и полотняные ткани. Так магазины были буквально опустошены. Люди расхватывали все – пододеяльники, простыни, наволочки и прочее белье на сотни рублей в одни руки! А кофе покупали даже такое, которое, наверно, лежало годами и давно выдохлось.

19-21 декабря в Будапеште была Подготовительная встреча к европейской конференции компартий. Накануне говорили о серьезных осложнениях в отношениях с

Хоннекером, будто он нас крупно обманывает, произносит подобострастные речи, а сам интегрируется с ФРГ. В результате встречи мы получили то, что хотели – рабочую группу в нужном составе, и теперь начнется в темпе закулисная подготовка, на основе сочиненных нами на Даче Горького текстов, а потом инфильтрация в тех, кто за нас целиком.

Впрочем, братские товарищи за пределами рабочей группы все уже прекрасно видят. Англичанин Фалбер прямо мне сказал: «У всех, с кем бы я ни говорил, ощущение, что все варится за их спиной, но никто не хочет выступать в роли enfant terrible, хотя робкие попытки были со стороны югославов, румын, испанцев и итальянцев». Никто не хочет оказаться за бортом, сойти с этого старого корабля, называемого Международным Коммунистическим Движением. А раз так, приходится мириться с отказом от безбрежно демократической процедуры: нельзя же, в самом деле, писать один или два документа в двадцать восемь рук.

Румын произнес речь, которая в подтексте вся была направлена против нас. Он говорил примерно следующее: Никакой подлинной реальной разрядки нет и не будет, пока не распустят блоки, не выведут войска из других стран, не уничтожат ядерного оружия, не перестанут вооружаться… Пора переходить от слов к делу – от заявлений к реальным мерам и т.п. в этом духе. Я включил это в шифровку для Москвы, для Политбюро. Пономарев меняя поддержал. Но Катушев, курирующий социалистические братские партии, взбеленился: вот, мол, всегда плохие румыны, да югославы, а ваши испанцы и итальянцы всегда хорошие, хотя говорят то же самое. Катушев вычеркнул мой абзац. Но тогда взбеленился Б.Н. и вписал нечто подобное моему. Катушев вычеркнул опять, заявив, что иначе он не подпишет шифровку.

Уже в Москве я узнал от Рахманина (первый зам Катушева), что, информируя свой Отдел о встречах в Будапеште, Катушев с негодованием говорил обо мне.

От чего все это происходит? От того, что даже в рамках Политбюро политику делают не открыто, а путем умолчаний и «нежелания волновать» высшее начальство. Хорошо: ты не хочешь обострять отношения с румынами, может быть это мудро, но тогда добивайся, чтобы это было общей политикой, а не пытайся проводить свою из-под полы, обманывая своих товарищей и втирая очки ПБ. И не в моральной стороне только дело: трусость всегда наказывается -в большой политике, разумеется.

Послесловие к 1974 году.

Записи этого года – «хроника текущих событий». С теперешней вышки, однако, в них проступает тенденция. Из разнородных наблюдений и размышлений, из информации, как правило, недоступной публике, образуется картина, в красках и сюжетах которой – унылая безнадежность.

Кончилась крахом мирная чилийская революция, победила португальская революция. Хотелось видеть в их опыте какой-то просвет для движения по пути, открытом 1917 годом в России.

Контакты с социал-демократией, с лейбористами тоже побуждали думать о дополнительном дыхании для антикапиталистического процесса.

Однако угнетали все более убедительные факты разочарования в советском социализме союзнических, «братских», вообще левых сил. И на этом фоне попытки реанимировать «идейное» единство международного коммунистического движения выглядели все более безнадежными, даже смешными.

Стремительное размывание социалистического имиджа Советского Союза, потеря им роли «идеологической державы» подтверждались и усугублялись гонениями на диссидентов, подавлением творческой свободы, пошлым мини-культом Брежнева, нагнетанием лжи в пропаганде, циничной фальсификацией прошлого и настоящего в общественных «науках». Происходила вопиющая «дивергенция» между марксистско-ленинским вероисповеданием и реальностью, которая уже погружалась в глубокий кризис и вызывала у многих отвращение.

Утрата Советским Союзом революционного импульса и потенциала, произошедшая давно, но еще не вполне освоенная противниками в «холодной войне», получила новое подтверждение в фактическом поражении советской политики в арабском мире, где мы маскировали великодержавие поддержкой «национально-освободительного движения». По этой же причине СССР инициирует разрядку международной напряженности, рассчитывая, впрочем, обмануть своих партнеров по «Хельсинскому процессу», выиграть время.

Интеллигенты-партаппаратчики, которым доступна закрытая информация, начинают понимать, что окружающий мир круто меняется и что наша политика неадекватна, тупиковая и уже опасна. У самого Генсека, не очень «быстрого умом», но хорошо осведомленного, прорываются признания, что «империализм уже не тот», а мы о нем все так же «талдычим», как 20 и 30 лет назад.

Однако, какие бы разумные заявления ни делались, какие бы красивые миролюбивые речи ни произносил уже впадающий в косноязычие сам Генеральный секретарь ЦК КПСС (а случались даже конкретные шаги вполне на уровне здравого смысла), система и ее механизмы исключали перемену стратегического курса, определяемого изжившей себя идеологией.

В «томе» много о практике патерналистского общения КПСС с зарубежными компартиями, об усилиях некоторых работников ЦК – манерой держаться, «умными» речами, умением слушать собеседника, вести дискуссию – как-то сгладить неравноправие в комдвижении. Сами эти партии пытались вырваться из замкнутого круга, в котором Великая русская революция и логика развития Советского Союза их обрекли пребывать и в котором они, особенно после XX съезда КПСС, вынуждены были метаться между «отторжением и притяжением» к одной из сверхдержав и оплоту исходного их смысла, самой материальной возможности (!) их существования.

Представляет, кажется, и собственный интерес фактическая панорама рассказанного в «томе»: инерционное исполнение служебных обязанностей и переживания по этому поводу, мелочные интриги и тщеславные амбиции, иерархические порядки и фарисейские правила игры в партийный долг, двоемыслие и двусмысленность

добросовестной работы думающих и образованных партийных чиновников, приближенных к самым верхам власти.

Сейчас такой образ жизни вызывает удивление, смешанное с презрением…, впрочем, и со стороны тех, кто сам заслуживает еще большего презрения. Но когда-то, возможно, такой редкостный источник сведений об уникальном периоде в истории великой страны обратит на себя внимание.